

Марина
Залесская

16+

Предсказанная
любовь

Марина Залесская

Предсказанная любовь

«Автор»

2020

Залесская М.

Предсказанная любовь / М. Залесская — «Автор», 2020

Всё случилось так, как ей когда-то предсказали: море, ветер, воздушный змей в её руках и музыкант, которого она полюбит. Две звезды: скрипач-виртуоз и юная девушка Звёздная Ласточка; они встретились на берегу моря в холодный весенний день. Музыкант, избалованный вниманием и восхищением поклонниц, и странная девушка, ничего не знающая о современном мире. А он не знает о разделяющей их бездне времени. Весенний ветер подхватил их и бросил в объятия. Их любовь зазвучала как прекрасная нежная мелодия, она отгородила их от всего мира, и они жили в раю, как первые люди. Но звёзды никогда не сходят со своих орбит. Останутся ли они вместе или каждая звезда отправится в свой путь?

© Залесская М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

День первый. Встреча у моря	5
День первый. По дороге домой	9
День первый. Дома	10
День второй. Ласточка чуть не улетела	17
День третий. Поездка в торговый центр	23
День третий. Поездка в супермаркет	31
День третий. Дома	33
День четвертый. Серьги с изумрудами	38
День четвертый. Опять на пляже	41
День четвертый. В прибрежном парке	44
День четвертый. Дома	46
День пятый. Утро	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Марина Залесская

Предсказанная любовь

День первый. Встреча у моря

Девушка стояла на кромке моря и запускала яркий, красно-жёлтый хвостатый змей.

Она жмурилась от солнца, улыбалась, и не обращала внимания на холодный морской ветер, трепавший её густые медово-пшеничные волосы. Девушка смотрела в небо на неоновую птицу, парящую над ней. Змей не желал висеть на прочной нитке, он поймал воздушные потоки и упрямо рвался в высоту изо всех своих бумажных сил. Но девушка не отпускала его, она давала змею свободы немного, по чуть-чуть отматывая с катушки нитку. И разозлившийся ветер ещё сильнее принялся за девушку.

– Ты не отпускаешь в небо воздушное существо? Тогда я унесу тебя!

Ветер надувал колоколом юбку короткого летнего платья, высоко оголяя длинные ноги. Ветер забирался в мокрые белые кеды с цветными вставками и заставлял девушку иногда подпрыгивать от холода и переступать с носков на пятки.

Девушка со змеем выглядела ожившей рекламной картинкой – яркой, многоцветной и насыщенной.

«Наверное, это съемки, девушка – модель, а где-то прячется фотограф. Сейчас снимет кадр и принесёт ей теплую одежду» – решил Даниель.

Но только редкие любители морских прогулок, подняв воротники курток и пальто, бродили по кромке прибоя в этот ветреный весенний день.

«Неужели ей не холодно в открытом, совсем летнем платье?» – подумал он.

Девушка, почувствовав его взгляд, подошла к нему.

– Ты хочешь поддержать змея? – прозвенел колокольчиком голос.

Заслушавшись колокольчиком, он молчал. А девушка, не дождавшись ответа, вложила ему в руку нитку.

«Какая стремительная девчонка», – подумал Даниель и снял перчатки, чтобы удобнее было удерживать нитку.

А девушка просто смотрела на него, смотрела внимательно, даже изучающе. Странные и прозрачные глаза её не мигали.

«Мне кажется или они светятся?»

Глаза мягко светились, вернее, переливались глубокими бликами.

«Это линзы такие, – решил он. – Современная молодежь носит разные линзы: фиолетовые, зеленые, красные, «кошачий глаз», «драконий глаз», какой угодно «глаз». Почему бы не быть и с подсветкой?»

Даниель себя к молодежи уже не относил, что, конечно же, было слегка обидно, но уже почти привычно. Недавно ему исполнился сорок один год, и иногда он чувствовал, что годы уходят безвозвратно. Но нечасто. Любимая работа обычно рассеивала ощущение скоротечности жизни. Репетиции, гастролы, концерты, новые проекты не оставляли времени на раздумья и сожаления, он жил в ускоренном темпе постоянной занятости. Иногда рутинная и предсказуемость утомляли его, на него наваливалась усталость, он перегорал, и старался находить время для отдыха.

Вот как сейчас. Он приехал на остров вчера вечером, выспался, и суета, закрутившая его в последние месяцы, сменилась предчувствием отдыха и лени. Оголённые нервы еще не успокоились, заботы и проблемы еще теснились в голове, и он хотел просидеть несколько часов за не срочной, но нужной работой, но вспомнил, что он приехал сюда отдыхать, отправился

на прогулку, спустился на пляж и почти сразу наткнулся на девчонку в белом летнем платье, запускающую воздушного змея.

Девушка, стоящая перед ним, вовсе не отличалась современной стандартной красотой: пышные формы, силиконовая грудь и, модные ныне, пухлые губы отсутствовали. Она легкая и изящная, совсем юная, с копной спутанных ярко-русых волос. Необычные, широко расставленные, прозрачные как ручей глаза, брови вразлёт, аккуратный носик, чётко очерченные высокие скулы, гладкая, белая кожа. Это лицо притягивало внимание, посмотрев на него единожды, хотелось смотреть и смотреть, оно кружило как омут, завораживало переливами родниковых глаз и чудесной улыбкой. На ней почти не было косметики, только на губах ярко розовый, слегка размазанный блеск. Как будто девушка стащила помаду из маминой косметички и неумело накрасилась в темноте.

Отдав Даниелю нитку, девушка попыталась справиться с раздуваемой ветром юбкой белого платья с яркой вышивкой. Но у неё ничего не вышло, и она беззаботно махнула рукой.

Стоя рядом с девушкой, Даниель отчётливо увидел мурашки на её тонких руках и оголённых ветром ногах в мокрых белых кедах. Но девушка как будто совсем этого не замечала. Ноги, впрочем, очень хороши: длинные, с изящными коленками и четко вылепленными голеньями.

– Надо стоять к ветру спиной, – зазвенел голос, и она, легко прикоснувшись к спине, развернула его.

Девушка пахла нагретой солнцем ромашкой.

«Ветер принес её из страны вечного лета?»

– Вот так, – показывала девушка. – Видишь, змей хочет улететь, но отпускать его нельзя.

– Почему нельзя отпускать змея? Пусть летит, в небе ему будет лучше, чем на нитке, – возразил Даниель.

– Это простой, не очень хорошо сделанный змей. Плохие аэродинамические характеристики, – сказала она, – он взлетит, но быстро упадет. Вон туда, – девушка показала на берег. Ну, и не хочется его пока отпускать, не так ли?

– Это твой змей? – спросил Даниель, стараясь не слишком глубоко нырять в родниковые глаза.

– Нет, – рассмеялась девушка. – На пляже гуляли папа с мальчиком, мальчик замерз, они ушли, а змей подарили мне, и я запускаю его за них.

– Когда бежишь, змей летает выше, он хочет догнать и перегнать тебя, – продолжила она.

Девушка забрала у него змея и легко побежала от моря. Ветер дул ей в спину, надувая подол платья белым полотняным парусом.

Потом она вернулась.

– Теперь ты, – сказала она и опять внимательно на него посмотрела.

Она говорила на правильном английском языке. Чувствовалось, что это не родной её язык – по певучим интонациям, по мимолетной задержке в старательно произносимых словах. Видимо, девушка училась в хорошей школе, где ей поставили правильное произношение.

Что она его совсем не знает, Даниель понял сразу. Девушка не кокетничала, не хихикала, не строила глазки, не замирала от ужаса и волнения, заливаясь краской.

– Не фанатка, – подумал он с облегчением.

Даниель взял змея и пошел быстрыми шагами по ветру. Бежать он не стал, все-таки не солидно, он взрослый мужчина, а не юная растрёпанная девчонка. Но неожиданно ему стало легко и весело. Яркий хвостатый змей дрожал на ветру и отчаянно хотел улететь, но они не отпускали его и водили по очереди, передавая друг другу катушку. Девчонка звенела своим колокольчиком и сияла. Она вся была наполнена молодостью и щедро делилась и с ним, и с морем, и даже змей в её руках летел выше и быстрее. Даниель и сам не переставал улыбаться. Девушка как что-то разомкнула в его душе, усталость и тревогу унёс ветер, давно ему не было

так хорошо и свободно, и не хотелось, чтобы это кончалось. И даже прохожие останавливались, смотрели на них и тоже улыбались.

«Огонь, а не девчонка. Con fuoco¹», – подумал он.

А потом девушка забрала у него змея, поймала ветер и решительно размотала нитку.

– Хватит, – сказала она, – он хочет свободы, пусть летит, – немного подумала и добавила. – И упадет.

Змей так и сделал. Взлетев высоко, он радостно парил и реял в вышине, но не удержался в потоке воздуха, замахал хвостом, закувыркался, плюхнулся на камень и обиженно лег на него красно-желтым ромбом.

– Уф, – сказала девчонка, – надо бы передохнуть.

И она пошла от кромки моря, выискала глазами ближайший, розоватый в свете солнца, валун. Подобрал валяющийся рядом небольшой рюкзачок, девушка положила его на камень и села. Похоже, это были все ее вещи: маленький, пустой на вид рюкзак.

Даниель сел рядом. Уходить не хотелось совсем. Время, которого ему обычно так не хватало, загустилось и тянулось как патока.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Меня зовут Мирослава, – ответила девушка, – а тебя?

– Даниель.

– Привет, Даниель, – опять зазвенел колокольчиком голос.

– Сколько тебе лет? – спросил он, слушая колокольчик.

– Мне недавно исполнилось двадцать лет, – последовал ответ.

– Уже двадцать лет, надо же какая ты взрослая!

Он почему-то улыбался, и не мог и не хотел перестать. Девчонка, такая веселая, живая, чем-то неуволимо странная и нездешняя, нравилась ему. Он попытался определить: в чем же странность девушки? Хрустальный голос, старательно выговаривающий непривычные слова, стремительные передвижения, ручейные переливы глаз и естественность в каждом жесте, в каждом повороте растрёпанной русой головы? Ему захотелось разгадать её.

«Но она так молода, зачем тебе проблемы с малолеткой?» – зудел внутренний голос.

Он хорошо знал этих юных дев, которые, заглядывая в глаза, толпами бродили за ним. Готовые на всё, миленькие, свежие, как неспелое яблочко, глупенькие. А какими еще быть в семнадцать-восемнадцать лет? Он прятался от их восторженных глаз и обожания, и этот остров был практически единственным местом, куда фанатки ещё не добрались. Иногда особо резвые девицы доставали его и здесь, но сейчас был не сезон и Даниель наслаждался одиночеством и отдыхом, без утомительного узнавания и щёлканья телефонных камер.

Но Мирослава вовсе не выглядела глупенькой. Когда она переставала светиться улыбкой, в её глазах неожиданно проскальзывала какая-то непонятная растерянность, неуверенность и даже затаённая глубоко боль.

«Мало ли какие дела у девчонки, мне-то что!» – думал он раздражённо.

Даниель смотрел на девушку, а она обхватила себя руками и поджала ступни в промокших кедах, пытаясь согреться.

Он снял с себя тёплый шарф, накинул на плечи девушки и спросил:

– Ты совсем замёрзла. Ты пришла без верхней одежды?

Девушка благодарно улыбнулась, немедленно согрев его сердце.

Но она долго молчала и смотрела на него, перед тем как ответить:

– Спасибо, мне уже не холодно, ну, может быть, совсем чуть-чуть.

– Хочешь, пойдём ко мне, я живу здесь недалеко, – неожиданно предложил он, злясь на себя за эту глупость.

¹ Музыкальный термин – с огнём

Пригласить в свой любимый дом, где он только начал отдыхать от всей суеты, сопровождавшей его последнее время, в своё убежище, где были только он и музыка, какую-то незнакомую девчонку!

«Кто она, эта бродяжка с пляжа?» – сердился он.

Но Мирослава не выглядела бродяжкой: чистая и аккуратная, только тапочки мокрые и ноги мёрзнут, поджимает пальцы. Девушка встала, переступила с одной ноги на другую, внимательно посмотрела на него, будто решала что-то для себя, потом кивнула и засияла светлой улыбкой. Мысль о подобранной бродяжке мгновенно улетучилась.

День первый. По дороге домой

«Странно. Она все время смотрит на меня, как будто я экспонат на выставке», – подумал Даниель, протягивая девушке руку.

Она подхватила рюкзачок, закинула его на спину, вложила в его ладонь свои замёрзшие пальцы и пошла рядом лёгкими шагами. Спокойно идти она не могла: подпрыгивала, подскакивала, то ли от холода, то ли от избытка энергии. Руку она вскоре выдернула, повязала шарф на шею и побежала вперёд, перебирая длинными ногами. И всем своим видом она напоминала щенка, со всех лап удирающего от хозяина, но обязательно возвращающегося обратно.

«Сентиментальным становлюсь с возрастом», – подумал Даниель.

– Ты можешь не бегать? – крикнул он.

Девушка вернулась и молча пошла рядом.

Чтобы срезать путь, он повел её короткой дорогой, которая, поднимаясь на холмы, петляла сквозь сосновую рощу. Вечерние птицы пели свои песни, сосны шелестели иголками, туман стелился мягкой дымкой, укрывая яркие цветы на ночь белым шарфом. Солнце не спеша уходило за горизонт, забирая с собой тепло лучей, и девушка опять бежала, пытаясь согреться. Вскоре дорога уткнулась в невысокое ограждение из валунов. За оградкой начинались частные владения. Светлые дома с ухоженными лужайками, дорожки из гравия, дорогие машины возле гаража, пустые бассейны, с ковром из упавших листьев на дне, столы и шезлонги – respectable размеренная жизнь небедных людей.

Девушка легко перелетела через ограду и, уже с другой стороны, вдруг подала ему руку.

Он сердито посмотрел на неё.

«Девчонка считает его старым дедом? Неприятно, конечно, но это её проблемы. Раз идет со мной, значит, её все устраивает», – думал он.

Девушка поняла, что сделала что-то не то.

– Прости, – опечалилась она. Глаза её стремительно стали бархатно-серыми, и перестали переливаться прохладным родником.

Даниель не так легко, как девчонка, но всё же перелез через ограду, и, поцарапав колено, стал думать, как отправить девушку восвояси, сказать что-нибудь про срочную работу, например. Но не отправил.

«Успею ещё, – подумал он, – отогреться, дам денег и отправлю на такси домой».

Оставшуюся дорогу девушка не прыгала, не носилась, а просто молча шла.

«Может быть, сбежать хочет, – думал Даниель, – и хорошо бы».

Но девушка не сбежала. Они подошли к дому и она стояла рядом со стеклянной дверью и смотрела на него. Платье белело в наступающих сумерках, глаза снова сияли.

«Девушка совсем нездешняя», – зачарованно подумал он. Потом оборвал себя: «Обычная девчонка, искательница приключений, полно таких. А может быть, и знает его, только приворяется».

Это мысль почему-то больно уколола, и он отогнал её.

День первый. Дома

Стеклянная дверь разъехалась, девушка вошла, сбросила рюкзачок, аккуратно положила шарф на полку, с явным облегчением сняла мокрые кеды, поставила босые ноги на светлый пушистый ковёр и с интересом оглядывалась. Дом был хорош, он гордился им. Дизайнерская отделка, современная мебель, всё светлое и новое, всё сделано как он хотел. Но всё-таки, дом как дом. А девушка глядела так удивленно и восхищенно, как будто первый раз в жизни видела такой дом и вообще дом. Глаза перебежали с предмета на предмет, и она как будто распознавала что-то.

«Она из небогатой семьи? – думал Даниель. – Не похоже».

Девушка выглядела ухоженной, аккуратной. Зубы сияли белизной, волосы блестящие, густые, чисто вымыты. Кеды, хоть и мокрые, но видно, что новые, с яркими вставками. Платье красивое, с оригинальной цветной вышивкой. На левом запястье устройство, похожее на смарт-браслет. У неё не было ничего дорогого статусного, но даже по её немногочисленным вещам, понятно, что девушка не из бедных. Ни вульгарности, ни кокетства, ничего отталкивающего он не заметил в её поведении. Её отличало лёгкое дымчатое очарование и непонятная, но хорошо уловимая утончённость манер не свойственная девушкам из простых семей.

«Если она не видела таких домов в жизни, то фильмы-то она смотрела, наверное. Что же разглядывает дом, как неведомую диковинку? В этом посёлке живут только обеспеченные люди. Откуда же занесло девчонку?» – опять прорезался внутренний голос.

– Ты недавно приехала на остров? С кем? Где ты живёшь? – задал он интересующие его вопросы, надеясь прояснить, откуда она взялась.

Девушка молчала.

– Ну, скажи что-нибудь, ты почти всё время молчишь?

– Здесь очень хорошо, – прозвенел колокольчик, – у тебя уютный дом, Даниель.

Он почему-то обрадовался, как будто бы похвала от девчонки-бродяжки имела какое-то значение для него.

– Хочешь что-нибудь выпить? – спросил он и подошел к бару, уставленному разными бутылками: пузатыми и изящными, с яркими этикетками и строгими виньетками.

Девушка смотрела на него недоуменно.

«Она вообще нормальная?» – раздражённо подумал он.

И расшифровал.

– Тебе налить что-нибудь? Мартини, например?

– Это алкоголь? – спросила девушка. – Спасибо, я не пью алкоголь. Но, – добавила она, – могу сделать коктейль для тебя.

Она задумалась и, как будто порывшись в памяти, вытасила слово.

– Авторский коктейль, – просияла она замечательной улыбкой.

– Ты работаешь в баре? – ему стало любопытно.

– Нет, – ответила девушка, – но я умею делать коктейли, и думаю, что хорошо умею. Можно?

– Делай, – разрешил он.

Она немного подумала, потом подошла к бару и изучающе оглядела ряд бутылок с разноцветным алкогольным содержимым.

Девушка двигалась быстро, и Даниель не всегда успевал заметить сам момент передвижения: вот она здесь, а вот она уже возле бара, и точными аптекарскими движениями наливает в шейкер из разных бутылок.

Девушка заглянула внутрь шейкера, довольно кивнула сама себе и немного встряхнула получившийся напиток. Затем, повернувшись к шкафу, открыла дверцу и нашла высокие кок-

тейльные бокалы, перелила в один из них содержимое шейкера. Слетала к большому серебряному холодильнику, достала кубики льда и апельсин. Добавила в стакан горсть льда, весело погремела льдинками. Разыскав в ящике нож и дощечку, так же быстро и ловко отрезала апельсиновый кружочек, водрузила его на край бокала. И залюбовалась на свою работу, подетски прикусив губу. В бокале таинственно заплескалась жидкость глубокого синего цвета, с прозрачными льдинками. Торжественно подала бокал ему и отошла на два шага назад, видимо, для лучшего обзора. Замерла, глядя на него с любопытством и немного встревоженно.

Он с удовольствием наблюдал за приготовлением коктейля, почти замороженный сияющим очарованием девушки, а её ориентировка на кухне удивила его.

– Откуда ты знаешь, где стоят бокалы, где лежат ножи? Ты ведь никогда не была здесь, – спросил он.

– Я могла бы сказать, что все кухни одинаковы, но нет... Я слышу: бокалы звенят стеклом, у ножей металлический перестук, – пояснила девушка.

– Ты слышишь предметы? – поразился Даниель.

– Не все, но многие. Я слышу те предметы, у которых характерный звук. Слышу старые вещи, они хранят сведения о владельцах. Слышу предметы, сделанные искусными мастерами, в них звучит душа создателя, – она подумала и добавила, – пластик и синтетику не слышу. Предметы из этих материалов не живые.

«Надо будет дать ей послушать мою скрипку, – подумал Даниель, – интересно, что она услышит. Скорее всего – ничего, девчонка фантазирует, все кухни действительно примерно одинаковы, она права».

– Почему ты не пьёшь коктейль? Не нравится? – не утерпев, спросила Мирослава.

Даниель попробовал синий напиток и неожиданно понял, что ему нравится. Пряный цитрусовый прохладный вкус обволакивает нёбо, и онпил с удовольствием.

– Как называется твой «авторский» коктейль?

– «Воздушный змей на пляже», – засмеялась девушка, – если добавить чуть больше джина, то «Змей на пляже» превратится в «Дракона на пляже».

Девушка опять пробежала к холодильнику, достала апельсиновый сок в пакете, налила в стакан и стала пить вместе с ним, зажмурившись от удовольствия.

– Почему ты так быстро передвигаешься? Как будто убегаешь от кого-то, – заинтересовался Даниель.

– Это привычка, наверное, не очень хорошая привычка. Мой опекун часто говорил мне: «Мирослава, не бегай по моему замку..., то есть дому, мой дом – это не полигон». Нет, не это слово.

Она помолчала, поворошила память, и продолжила.

– «Мой дом – это не стадион».

«У девушки есть опекун, значит, скорее всего, она сирота. Уже кое-что», – подумал Даниель.

– А где твой дом?

– Мой дом на высокой скале в горах, а вокруг густой лес. Людей совсем немного. Только хозяин дома, его помощники и я. Конюшня есть с лошадьми и конюхами, – добавила она.

«Ясно. Девушка воспитывалась в удалённом доме, одна, и вокруг никаких детей и развлечений, – подумал Даниель, – понятно, почему она такая странная».

Он тоже был одиночкой. Одинокое детство мальчика со скрипкой без игр на улице, футбола, коньков и прочих детских радостей. Каждый день по много часов занятий и учителя, приходящие домой. Он давно уже смирился и принял своё трудное детство: если бы не оно, не было бы и его – известного музыканта.

– Ты учишься или работаешь? – он продолжил расспрашивать её.

– И учусь, и работаю. Но сейчас нет. Я сбежала. Прямо сюда, – последовал ответ.

– Ты лентяйка? – спросил он с притворным укором.

– Лентяйка? – удивилась Мирослава. – Нет. Просто по контракту я должна была делать одну работу, а пришлось делать намного больше. Я решила устроить перерыв.

– А где ты работала? – не прекращал допрос Даниель.

– Сделать тебе еще коктейль? – проигнорировала вопрос девушка.

– Сделай. Опять «авторский»? – Даниелю стало любопытно, что опять придумает девчонка.

И опять замелькали тонкие руки, смешивая напитки.

«Она как будто дирижирует», – подумал Даниель, любуясь чёткими изящными движениями.

Лед, лимон, и бокал с уже красным содержимым был торжественно вручен ему.

– «Морской бриз», – сказала девчонка и стала ждать его реакции.

Она ждала с таким детским ожиданием и нетерпением, так следила за ним, что он, поддразнивая девушку, специально медлил и, перекачивая напиток во рту, молчал, отпивая маленькими глотками. Второй коктейль тоже оказался хорош. Крепкий и свежий, он действительно напоминал морской бриз.

– И-и-и? – не утерпев, спросила девушка.

– Хорошо! – искренне похвалил он. – Где ты так хорошо научилась делать коктейли? Делала их своему опекуну?

– Нет, – Мирослава тряхнула головой, – мой опекун предпочитает моно напитки. Я загрузила рецепты коктейлей прямо сюда, – она показала на голову. Ой, нет! Я скачала книжку для барменов и запомнила её. У меня отличная память.

Тут Даниель вспомнил, что хотел дать девушке «послушать» свою скрипку.

– Пошли со мной, – сказал он и повел её в гостиную.

В просторной комнате царил так называемый «творческий беспорядок»: всюду валялись ноты, книги, записи. Даниель оставил девушку, сходил в кабинет и достал из сейфа футляр, в котором лежала его единственная любовь, драгоценная скрипка Гварнери.

Вернувшись, он застал Мирославу за осмотром гостиной. Она обходила комнату, с восторгом разглядывая плакаты, афиши, большие студийные фото, висевшие на светлых стенах.

– Это ведь всё ты? – сложив ладони домиком, она замерла возле старого фото, на котором вокруг него, молодого и ярко-красивого, летала скрипка.

– Конечно, я. – подтвердил Даниель. – А что, не похож? Этому снимку больше десяти лет.

– Похож, похож, – Мирослава кивнула головой. – Ты почти не изменился. И сейчас ты даже лучше, чем на этом фото.

– Чем же лучше? – ему стало любопытно.

– Здесь многое дорисовано, добавлено в специальной программе. А сейчас, – она посмотрела на него с сияющей улыбкой, – сейчас ты живой и настоящий. Я так и знала, что ты скрипач, поняла это, ещё там, на пляже.

– Как же ты узнала? У меня на лбу надписи нет.

– Очень просто, я ведь хорошо разглядела тебя возле моря. Черты лица мягкие, гармоничные, лоб слегка изогнутый, глаза большие, красивые. Скорее всего, гуманитарий. Манера держаться спокойная, уверенная, видно, что ты привык к взглядам, к вниманию. Значит, публичный человек. Небольшая отметина на шее слева, вот здесь, – она показала на его шею.

Потом взяла его за обе руки.

– Пальцы длинные, кисти рук тонкие и сухие, подушечки пальцев левой руки слегка утолщены. Вот здесь, – она погладила его ладонь прохладными пальцами. – Музыкант, это же понятно. Но, какой инструмент? По росту тебе подошла бы больше виолончель, но у виолончелистов отметина на шее чуть дальше и меньше. Значит, скрипач, – засмеялась она, – обыкновенная дедукция.

Он был впечатлен «обыкновенной дедукцией».

– Ладно, Шерлок Холмс, иди сюда. Послушай мою скрипку.

Девушка села на диван и, поставив локти на угловатые коленки, склонилась к скрипке в его руках. Даниель не любил отдавать свою скрипку никому. И сейчас не стал.

А Мирослава замерла, почти не дышала. Лицо её заострилось и побледнело, она долго молчала, глаза засияли ещё ярче.

– Это старинный артефакт, – наконец-то сказала она, – сделан около двухсот восьмидесяти лет назад от вашего времени.

Он сделал вид, что не заметил ошибочных слов «вашего времени». Но то, что девушка назвала его скрипку «старинным артефактом», ему очень понравилось.

Девушка придвинулась поближе.

– Можно потрогать? – спросила она.

– Можно, – нехотя ответил он, но заинтересовался: возраст его скрипки был назван точно.

Девушка осторожно положила ладонь на верхнюю деку и, замерев, прислушалась.

– Это ель, – сказала она. Дерево, растущее в горах Европы того времени. Похоже, что древесину вымачивали. Очень сложный раствор, скорее всего, все ингредиенты и не собрать сейчас. А жаль, можно было бы смоделировать этот процесс.

– Многие пытались разгадать тайны великих скрипичных мастеров, но безуспешно. Никому не удалось. Скрипка – последняя тайна на Земле.

– Это время виновато, за триста лет поменялось многое. Даже если клонировать мастера, который сделал твою скрипку, и реконструировать для него все исходные материалы, у него всё равно не получится такой же инструмент. Воздух стал другой, вода, еда, жучки, которые точили дерево, дожди, которые поливали его, вся окружающая среда изменилась, – она помолчала и дополнила. – Всё это, конечно, тоже можно смоделировать, но трудно, воздух того времени наверняка не сохранился и дожди тоже. Но человеческому гению всё доступно, может быть, клон мастера сделал бы скрипку и получше. Хорошо бы проверить, интересно ведь? – загорелась своей фантастической идеей девушка.

– Интересно, конечно, всего ничего, сделать клон человека, – с иронией сказал Даниель.

– В этом нет ничего сложного, – пожал плечами девушка. – Можно я продолжу?

– Продолжай, – разрешил он.

– Это другое дерево, – она провела пальцами снизу, и даже ухо подставила поближе, – может быть, клён? У древесины клёна стойкие акустические свойства. Дерево покрыто несколькими слоями лака. Несколько раз артефакт ремонтировался, ремонт профессиональный, качественный. Даже такой хороший ремонт несильно, но изменил молекулярную структуру исходника. Я думаю, что эта скрипка, скорее всего, работы мастера, проживающего в государстве Италия в первой половине восемнадцатого века.

– Всё, достаточно, – сказал он, – это скрипка Гварнери, я купил её несколько лет назад. Ты могла прочитать об этом где-нибудь в сети. Об этом много написано.

А она смотрела на него с удивлением.

– Нет, я ничего не читала про эту скрипку. И... я ещё её не дослушала...

– Артефакты не любят чужие руки, – он смягчил отказ.

– Ты прав. В детстве я разбила две старинные вазы в замке... в доме моего опекуна, – вспомнила девушка.

– Тебя наказали? – заинтересовался Даниель.

– Да, опекун приказал высечь меня во дворе дома, – спокойно ответила девушка.

– Высечь? – он удивлённо посмотрел на неё. – Разве это возможно?

– Да, вполне возможно, – подтвердила она. – Но это случилось давно, я уже все забыла. Меня много раз просили не бегать. А я побежала, поскользнулась на гладком полу, задела одну вазу, та, падая, опрокинула другую, и они обе разбились. Старинные вазы, бесценные

артефакты, китайский фарфор династии Мин, наполненные неугасимым огнем из священного костра шамана. Вазы были как живые и говорили о прохладных ручьях, о деревьях, склонившихся до воды длинными ветвями, о цаплях и драконах. И за такой урон всего лишь десяток ударов плетью. Адекватное наказание, я считаю, – закончила она совершенно спокойно.

Он пытался понять, что более возмутило его: то, что эту чудесную девушку били плетью или то, что она считает это «адекватным наказанием».

Мирослава прервала его размышления.

– Можно я умоюсь?

– Да, конечно, – Даниель проводил её в ванную комнату.

Он взял телефон, чтобы вызвать для девушки такси. Просмотрел несколько пропущенных СМС и не стал отвечать.

«Провожу её и отвечу», – решил он и выключил звук телефона.

Потом он прошёл к двери, схватил её рюкзачок и быстро просмотрел его. Рюкзак был почти пуст, как он и предполагал. Упакованные в странные светящиеся пакеты пара белья, щетка для волос, зубная щетка, маленькое зеркальце, тюбик помады. Какой-то гаджет, iPad, скорее всего. И всё. Ни документов, ни денег, ни даже телефона.

Скрипнула дверь, он положил рюкзак на место и вернулся обратно.

Девушка вышла из ванной умытая, сияющая, волосы аккуратно убраны за уши. Губы нежные, мягкие, блеска на них уже нет. Глаза переливаются родниковой водой. Она улыбнулась ему своей чудесной улыбкой.

– Мне пора, спасибо тебе, Даниель, – развернулась к двери и...

Не дав ей сделать и шага к выходу, Даниель встаёт с дивана, обнимает девушку, притягивает к себе, гладит по прохладной щеке. Она замирает и не шевелится, смотрит на него, не отводя глаз.

Мысль о том, чтобы отправить девушку восвояси, улетучивается вместе с мыслью, о том, что она совсем-совсем молодая и совсем незнакомая.

Он прижимает её к себе ещё крепче, слышит, как быстро бьется её сердце, видит капли воды на ресницах, стирает их губами. Или это слёзы?

Девушка пахнет молодостью, свежестью, чем-то нежно-цветочным. «Ромашкой, – вспомнил он». Он целует гладкую нежную шею, тонкие плечи, ключицы, опустив руки вниз, забегает под платье, пробегает пальцами по узким девичьим бедрам. Оттянув резинку трусиков, руки движутся дальше к низу горячего живота. Девушка молчит и смотрит на него. Её лицо почти спокойно, лишь слегка подрагивают брови и глаза усиливают сияние.

– Закрой глаза, – просит он, не в силах выносить этот одурманивающий магнетический свет.

– Нет, – отказывается она, – я хочу всё видеть.

Она поднимает ему футболку, сводит обжигающие руки у него на спине.

Так, застыв, они стоят совсем немного, всего минуту, но ему она кажется вечностью. В голове звенело, и он не мог дышать полной грудью.

«Колдует она, что ли?» – подумал он.

Сжав девушку до хруста в ребрах, он накрыл поцелуем нежные губы. Девушка вздрогнула и неумело ответила. От возбуждения бегали мурашки, бухало сердце.

– Пошли, сказал он, – и, не выпуская девушку, будто бы боялся, что она исчезнет, отвел её в спальню.

Комнату бледно заливал свет луны, деревья, оставляя тёмные тени, обмахивали окно ветками. В темноте её глаза сияли ещё ярче.

Он попытался расстегнуть мелкие, почти невидимые среди вышивки, пуговицы на лифе белого платья, но безуспешно. Чуткие пальцы не справились с такой работой.

– Я сама, – сказала она.

Освободилась из его объятий, отошла к окну, встала к нему спиной и, расстегнув пуговицы, сняла платье. Подцепив пальцами, стянула простые белые трусики. Она аккуратно сложила одежду на кресло и повернулась к нему, застыв на месте и давая ему разглядеть себя.

Луна послушно осветила её мягким светом. А она стояла ровно, не шевелясь. Стройная фигура, словно выточенная резцом скульптора, длинные волосы перекинута на одно плечо, маленькая прелестная грудь, тонкая талия и узкие, почти мальчишеские бедра. Она была чудо как хороша. И видимо знала об этом, стояла свободно, совсем не стесняясь, и смотрела на него почти с вызовом.

– Я ждала тебя, – сказала она, помолчала и продолжила: – ты поцелуешь меня?

Пульсирующая кровь отключила для него весь мир, оставив лишь одно желание. Он быстро разделся, пошвыряв как попало вещи на пол, схватил девушку, толкнул ее на кровать и, закрыв ей рот поцелуем, и не понимая, почему же он так торопится, бесцеремонно навалился сверху и раздвинул коленом ноги. Тонкое тело ее дрожало, она что-то пыталась сказать, но уже ничего не могло остановить его, и он, словно пытаясь уничтожить барьер из плоти, растворился в ней.

– А-а-а, – ответом стал ему стон, полный не страсти, а боли.

Он еще несколько раз дернулся и затих. Нашел в себе силы посмотреть на девушку. Она лежала, придавленная его немалым весом, тяжело и глубоко дышала, из прокушенной губы сочилась кровь, руки и сведенные судорогой ноги дрожали. В глазах её не было света, в них плескались боль и слёзы.

– Черт, – наконец-то дошло до него, – ты, что, в первый раз? – он даже слово не сразу вспомнил. Ты девственница?

– Уже нет, – прозвенел голосок.

– Почему же ты не сказала?

– Разве надо было? Я не знаю правила вашего социума.

Ему захотелось придушить девчонку. Он почти изнасиловал её, а она твердит про какие-то правила.

– Все хорошо, Даниель, – успокаивающе сказала девушка, – я рада, что наконец-то это случилось, и рада, что это был ты.

Он растерялся. Заниматься любовью с девственницами ему ещё ни разу не приходилось и что сказать, он не знал. У него даже и мысли не возникло об этом. Она сама пришла к нему, сама разделась, сама смотрела на него с откровенным вызовом.

– Откуда я мог знать..., – запнулся он.

– Прости, Даниель.

Девушка с трудом вылезла из-под него, села, и устала на красное пятно на белой простыне.

– «Вот и сорван твой цветок», – пропела она и, сверкая идеально очерченными ягодичками, пошла в ванную.

Шла она медленно, неловко, дрожала, обхватила руками плечи, сжимала ноги. На спине отчетливо выделялись позвонки и рёбра, вызывая у него острое чувство жалости.

«Цветок, надо же придумать!» – негодовал Даниель.

Он был зол на девчонку и на себя. Он же видел, что девушка необычная и непростая, не надо было связываться с ней, но нет, он поддался на странное очарование, загляделся в сияющие глаза. Ну вот и огрёб проблемы.

Однако девушка вскоре вернулась из ванной комнаты, уже совсем спокойно и мягко ступая по ковру босыми ногами, подошла к кровати. Он опять залюбовался на эту юную наготу.

– Ты такая красивая, – сказал он.

– Ты тоже, – ответила девушка. Она легла рядом, повернулась к нему, прильнула тонким прохладным телом, вновь вызывая отчаянное желание.

– Ты красивый, как эльф.

«Фантазёрка она, фильмов насмотрелась. Сейчас эльфы на пике моды».

Девушка продолжила своё колдовство, волшебство, которым она наполнила этот день, полыхало вокруг неё магическим пламенем. Она наклонилась к нему и провела прохладными ладонями по лицу, но не остудила пожар.

Она что-то сказала или, точнее, пропела непонятные слова на незнакомом языке: «Elenye pandaro».

– Что-что? – не понял Даниель.

– Элени Нандаро – Звёздный Арфист. У эльфов нет скрипок. Они играют на арфе и *taladaur*².

Девушка шептала ему в ухо, обдавая теплым мягким дыханием. А он уже почти не слышал её из-за бухающих ударов сердца.

– Все хорошо, *mela en' coiamin*³, всё прошло, мне уже не больно.

Она целовала его неумело, гладила по груди, шептала незнакомые певучие слова.

Он провел пальцем по прикушенной, но почти зажившей губе.

«Как быстро зажила ранка, странно», – подумал он.

И это была последняя мысль, а дальше его опять захлестнул поток, и даже тихий стон не остановил его. Очнувшись, он посмотрел в затуманенные глаза, однако свечение пробивалось даже сквозь туман, ослепляя его. Девушка опять прикусила губу, и было не понять – от боли это или от страсти. Она лежала под ним молча, горячие руки её обнимали спину, в глазах блестели слёзы. Он стер слезинки губами, потом расцепил её руки, лег рядом. В пустой голове гулял ветер, думать не хотелось, он и не думал. Спустя несколько минут посмотрел на девушку. Она уже спала. Лицо её осунулось, заострилось, и побледнело, под длинными ресницами залегли глубокие тени. Спала она тихо, положив, как ребёнок, ладошку под щеку и выглядела ангелом. Чувствуя непривычную, давно забытую нежность, он подобрал упавшее на пол одеяло, укрыл её, лег рядом и вскоре уснул.

² Лютня – эльфийск.

³ Мой возлюбленный – эльфийск.

День второй. Ласточка чуть не улетела

Утром его разбудило пение. Чистый хрустальный голосок выпевал что-то на незнакомом языке, летел, звенел колокольчиком. Он окончательно проснулся, сел и огляделся. Девушки рядом не было. Простыня с красным пятном напомнила ему о вчерашней ночи. Он сердито содрал её и бросил в угол. Достал и постелил чистое бельё. Он специально тянул время, надеясь, что девчонка исчезнет, а он вскоре забудет о своём поступке. Даниель не понимал, отчего он так накинулся на неё и разбираться не хотел. Он приехал отдыхать и будет отдыхать. Раз девушка сама не уходит, он сошлётся на срочную работу, вызовет ей такси и отправит домой. Он подождал ещё немного. Девушка не уходила, она звонко пела прекрасную старинную песню на незнакомом языке. Он надел штаны и, не найдя футболку, вышел без неё. На кухне пахло свежесваренным кофе, а девушка стояла возле плиты и что-то готовила на небольшой сковородке. Лицо умытое, волосы убраны в хвост. Его футболка была на ней. Юная и свежая, она была похожа на сбежавшую с уроков школьницу, и смотреть на неё было приятно и в то же время тревожно.

– Что ты пела? – спросил он, оттягивая разговор.

– Я пела балладу об *Elenya Tuilindo*, о Звёздной Ласточке, – сияя глазами, ответила девушка.

Улыбнулась ему и продолжила:

– Я приготовила омлет. Ты будешь завтракать?

Ему хотелось послушать балладу про ласточку, но пахло так аппетитно, и он вспомнил, что вечером ничего не ел.

– Буду, только умоюсь.

И пошёл в ванную комнату. Внимательно рассмотрел себя в зеркале: отражение выглядело моложе лет на десять, глаза блестели.

«Видимо, Мирослава поделилась своим избытком юности», – подумал он. Он попытался снова разозлиться, но уже не получалось. Она так нежно и чисто пела, похоже, что она совсем не сердится на него. Вот и хорошо. Потом будет подружкам рассказывать про необыкновенную ночь со звездой.

«А ведь она не будет ничего рассказывать, – понял он. – Я специально думаю про неё плохо, чтобы не было стыдно отправить её восвояси».

Вернувшись на кухню, он подошёл к столу, где его ждала чашка горячего крепкого кофе. На тарелке лежал золотистый омлет, свёрнутый рулетом. Рулет был порезан на ломтики, присыпан мелко накрошенной зеленью, на разрезе переслаивались ветчина с сыром. Вилка и нож лежали на салфетке. На нагретой, порезанной пополам булочке тонкий слой сливочного масла. Накрыто красиво и аккуратно, как в хорошем ресторане. У девушки лежал такой же омлет, а чашку с горячим кофе она держала обеими руками и смешно дула на неё, пытаясь остудить горячий напиток. Омлет ему понравился: вкусный, ароматный и сытный.

– Как ты научилась готовить? Закачала в голову кулинарную книгу? – спросил Даниель, разрезая омлет.

– Нет, я училась у настоящего повара. Уметь готовить – это полезный навык. И совсем не трудно. Надо всего лишь представить себе, каким ты хочешь видеть конечный результат, взять хорошие продукты – и, – она улыбнулась, – вуаля, готова вкусная еда.

Он помолчал. Ему совсем не казалось, что это так просто. Сам он умел сделать простой бутерброд, а современные девушки и вовсе не считают умение готовить полезным навыком. Мирослава опять удивила его.

Его молчание затянулось. Даниель думал о том, что пора как-то всё сворачивать, а на душе скребли кошки.

Мирослава внимательно посмотрела на него. Потом встала, вымыла посуду, поставила её в шкаф, убрала лишние булочки и масло в холодильник. И ушла в спальню. Она вернулась в своём белом платье, и сказав: «Мне пора уходить», пошла к двери. Взяла свой рюкзачок, возвратилась, поднявшись на цыпочки, поцеловала его в щеку нежными прохладными губами:

– Спасибо за всё, Даниель.

Повозилась с замком входной двери и убежала, уже не оглядываясь.

Он сидел и смотрел в окно веранды, как мелькает среди деревьев белое платье, как подпрыгивает рюкзак на тонких плечах. Душу грызла тоска, сердце ныло. Он не мог понять, почему ему так плохо. Он хотел, чтобы она испарилась, и девчонка ушла сама, избавив его от объяснений. Но куда же она пойдёт, без денег, без документов, без верхней одежды, даже без телефона? Он уже успел присвоить себе эту чудесную девушку, а она ушла. Оставила его. Просидев ещё несколько минут, он вскочил и помчался за ней, догонять. Зная, как быстро бегают Мирослава, он прибавил скорость, но не нашёл её нигде, и сердце его закололо от бега и от потери. Он пробежал ещё метров тридцать и наконец-то увидел её. Она стояла на каменной ограде и смотрела вдаль.

– Мири, Мири, – закричал он, – подожди, не уходи.

Девушка повернулась, но не спрыгнула с ограды. Даниель подбежал к ней и, задыхаясь, обнял голые, уже замёрзшие ноги. Прижался к ним, выровнял дыхание.

Она смотрела на него бархатно-серыми глазами и молчала.

– Я буду здесь ещё десять дней, оставайся. Потом я отвезу тебя, куда скажешь, – предложил он.

Девушка не двинулась.

– Отпуск закончится и у меня начнётся подготовка к большим гастролям и сами гастроли. Если захочешь, можешь поехать со мной, но я буду сильно занят, – сделал он щедрое предложение.

Она молчала.

– Ерунда какая-то, всё не то, – растерялся Даниель.

– Мири, пожалуйста, останься со мной, не уходи, – он все-таки нашёл единственно правильные слова.

И она, наконец-то, засияв глазами и улыбкой, спрыгнула прямо в его объятия.

Он выдохнул, погладил девушку по плечам, по волосам, по щеке. А она обнимала его и молчала.

– Мири, пошли домой.

И опять, как вчера, она положила свою ладошку в его руку и пошла рядом. Сердце его больше не кололо и не болело. Он вёл к себе домой свою девушку и был счастлив.

Дома он снял с неё рюкзак, обнял и слушал биение её сердца, чувствовал, как поднимаются её тонкие рёбра в такт дыханию.

– Ты больше не уйдёшь, пообещай, – потребовал он.

– Сама не уйду, – Мирослава потерлась о его щетину гладкой щекой и вздохнула.

Он решил не обращать внимания на слово «сама». Никто не заберёт её. Он посмотрел в сияющие глаза и решил узнать про них.

– Почему твои глаза светятся?

– Это реакция на гормональную бурю, – ответила девушка и перевела, – я заливаюсь гормонами счастья: эндорфином и серотонином, а глаза реагируют. Такое строение сетчатки.

– Значит, когда глаза не светятся, ты несчастна?

– Не всегда, просто устала или обиделась. А когда я смотрю на тебя, я всегда счастлива и гормональная буря заливаает меня.

– Я старше тебя в два раза, старый уже для тебя.

Он решил выяснить и этот вопрос.

– Нет-нет, ты самый лучший и совсем-совсем не старый. У меня всё внутри, – она показала на свой живот, – переворачивается, когда я вижу тебя.

Она говорила так искренно, что он сразу поверил ей и обрадовался.

«Никогда в жизни не встречал такой девушки, она говорит, что думает, не притворяется и не лицемерит. Почувствовала, что мешает и ушла, но вернулась и уже не помнит об обиде».

Ему стало не по себе при мысли, что ещё немного, и он потерял бы её навсегда. Как бы он нашёл её, не имея никаких данных, кроме редкого имени. Он поспешил отогнать неприятную мысль и осторожно спросил:

– У тебя с собой нет ни денег, ни документов?

– Да, – рассмеялась Мирослава, – я знаю, что ты заглядывал в мой рюкзак и не сержусь. Ты ведь привёл меня в свой дом – совершенно незнакомого человека. Документы и деньги я потеряла. И нет, в полицию обращаться не надо. Я не замешана ни в каком криминале в этом мире. Я никогда не вру, только иногда умалчиваю.

Он решил больше не донимать девушку расспросами. Он разглядывал завитки русых кудрей на нежной шее, ему не хотелось выпускать её из объятий, но выключенный телефон надо проверить.

– Прости, – вздохнул он. Мне надо ответить на звонки, а потом я буду заниматься. Я занимаюсь каждый день по несколько часов. А ты придумаешь себе дело?

– Я могу приготовить обед, – нерешительно сказала Мирослава.

Даниель удивился, пытаясь припомнить, готовил ли кто ему в этом доме. Перед его приездом домработница закладывала в морозильную камеру небольшой запас продуктов, но он не тратил время на готовку, да и не умел, а закупал в супермаркете упаковки полуфабрикатов. Или ходил в ближайшее кафе. Он собирался поехать в супермаркет сегодня, но раз Мири хочет готовить, то он не поедет.

– Отлично, если это будет так же вкусно как завтрак, то готовь.

Он с трудом оторвал себя от девушки.

Включил звук у телефона, и масса неотвеченных звонков и СМС навалилась на него.

Обычно, когда он отдыхал, друзья и близкие старались не отвлекать его, но выключенный вчера телефон всех напугал, и сейчас он успокаивал Ханну, своего бессменного помощника и костюмера, что он здоров и всё хорошо, а вчера был занят, у него появилась девушка, и сейчас эта девушка готовит обед на его кухне. Слова «девушка» и «готовит» привели Ханну в замешательство.

– Она повар, что ли?

– Нет, просто она умеет готовить.

– Ты в порядке, Даниель?

– В полном порядке, – заверил он. – Сейчас пойду заниматься.

Это же пришлось говорить и обеспокоенному Морису, его лучшему другу и менеджеру. Тот простым объяснением не удовлетворился и Даниель немного рассказал о Мирославе и, хотя он старался быть сдержанным изо всех сил, радость всё-таки пробилась сквозь его якобы спокойную речь. Про то, что фактически он подобрал девушку на пляже, он умолчал. Такие подробности Морису знать незачем. Морис успокоился и пожелал ему хорошо отдохнуть.

Потом он позвонил матери. И она по голосу сразу поняла, что с ним что-то происходит.

– Даниель, я слышу – ты счастлив. Я рада за тебя, дорогой, – бархатно-шоколадным голосом говорила мать.

Она всегда говорила низким шоколадным голосом, умело добавляя в него разные оттенки.

– Мама, это просто девушка. Не выдумывай, – зачем-то оправдывался Даниель.

На «просто» девушку Мирослава не походила никак.

И мать моментально поняла это.

– Даниель, дорогой, от «просто» девушки твой голос не меняется. Я ведь всё слышу, – в шоколаде появились твёрдые крупинки ореха.

– Мама, мне надо заниматься, – Даниель решил свернуть разговор, не дожидаясь наставлений.

– Да, дорогой, иди, – милостиво разрешила мать.

Сделав ещё несколько звонков, он прошёл на кухню.

«Соскучился уже».

Мирослава, опять в его футболке, доходившей ей почти до угловатых коленок, стояла у стола, заваленного продуктами, и сосредоточенно думала. Увидев его, она так засветилась, что он вздрогнул, вспомнив, что совсем недавно хотел избавиться от неё. Сидел бы сейчас один.

– Даниель, ты любишь ризотто? – прозвенел колокольчик. – Я нашла рис, куриное филе и приготовлю ризотто.

– Я съем всё, что ты приготовишь.

Она улыбалась и, наполняясь счастьем, теперь он уже знал это, сияла глазами.

Он обнял её и, целуя, шептал: «Не пойду заниматься, буду целовать тебя, пока не надою».

И не пошёл, а выключив телефон, отвёл девушку в спальню, снимая по пути футболку.

Она уже не была так скованна, лежала на нем сверху, целовала его. Восхищалась: «Какой ты красивый, Даниель. Ты такой красивый, что я не могу дышать».

Он был рад, что нравится ей. Хотя эту фразу он слышал много раз, Мирослава говорила это с таким сиянием и так восторженно, что он таял в её объятиях. Она рассматривала его, прокладывая пальцем дорожку от груди к паху. Он долго не мешал ей изучать его, но, не выдержав, опрокинул девушку на спину, и задвигался в узком и горячем теле и изо всех сил пытаясь укротить полыхающий костёр, сжигающий его, целовал её маленькую грудь, шептал ласковые слова. Она уже не сжималась от боли, гладила спину, и от этих неумелых движений костёр разошёлся до пожара.

Потом он не хотел отпускать её и долго держал девушку в объятиях. Солнце без спросу осветило комнату, высушило испарину с тел и напомнило, что всё-таки белый день сейчас, вставайте. Они послушно встали и, шатаясь от слабости, пришли на кухню.

– Ризотто не приготовилось само собой, – сказал Даниель.

– Да, не приготовилось. Ты хочешь есть?

– Я подожду, готовь, – сказал он и ушёл.

Ему пришлось минут десять посидеть, успокоиться, сконцентрироваться. Обычно он легко переходил из реального плоского мира в фантастический мир музыки. Но реальный мир изменился. Он уже не одномерно плоский, в нём появились новые аккорды, и он надеялся, что музыка поможет их опознать.

Скрипка ждала его. Она лежала на ложе из красного бархата молчаливая, одинокая, прекрасная и как будто укоряла его.

– Я здесь, – успокоил он скрипку.

Любимое занятие успокоило, и его мысли перестали метаться. Реальный мир исчез, он увлёкся, его плечо и руки срослись со скрипкой, пассажи и штрихи летели с пальцев. С каждым движением смычка, с каждым прикосновением пальца к струне он улетал в своё фантастическое пространство, где были только музыка, скрипка и он. Время в этом пространстве протекало по его законам, оно замедляло и ускоряло свой бег, повинуюсь его дыханию и ударам его сердца.

Он остановился отдохнуть, и невольно прислушался к лёгким шагам на кухне. Мири, она здесь, душу его согрела теплотой, он уже скучал по ней. Даниель улыбнулся, и перешёл к сонате Моцарта. Он любил Моцарта, и его светлая живая музыка сейчас точно отражала его настроение.

Пришла Мирослава. Она тихо села на пол и с восторгом слушала.

Доиграв пьесу, он дослушал растаявшие в воздухе звуки, опустил скрипку и посмотрел на девушку. Она держала в руках тот гаджет из рюкзака и небольшой прозрачный карандаш, тонкий как стило.

– Тебе нравится, как я играю? – спросил он.

– Да, нравится, – она сияла глазами и улыбкой. – Такая красивая музыка, радостная, обаятельная. Наверное, композитор был очень молод и любил жизнь?

– Ты угадала. Это Моцарт. Ему исполнилось всего двадцать два года, когда он написал эту сонату. А ты что делаешь?

– Я рисую. Рисую воспоминания. Твоя прекрасная музыка оживила мои воспоминания.

– Воспоминания? – Он подошёл посмотреть.

Даниель был уверен, что девушка рисует его. Однако на прозрачном экране был нарисован мужчина в бархатной зелёной котте с широкими рукавами, богато вышитом поясе и белой шёлковой рубашке. Длинные золотистые волосы по бокам заплетены в сложные косы и, открывшая острые нечеловеческие уши, гладким водопадом падали на спину. На молодом, красивом лице выделялись старые мудрые глаза. В руках он держал лютню. Мужчина сидел на ажурной скамье и внимательно смотрел на него. Даниелю показалось, что под его взглядом рисунок как будто оживал, становился объёмным. Ему стало не по себе.

– Кто это?

– Это эльф *Saila've*⁴, мой учитель, он Предсказатель.

Он втянулся в Мирославины фантазии и спросил:

– Чего же он предсказал?

– Он предсказал мне тебя, – сияла она нежной улыбкой. – *Saila've* все знал.

– Как это? – заинтересовался Даниель.

Мирослава заговорила на странном певучем языке, с небольшими вздохами в конце слов и, закончив, перевела:

– Скоро ты вырастешь большой, Эленья Туилиндо, и улетишь от нас. Ласточки всегда улетают в тёплые края. Твоя жизнь будет полна опасностей. Однажды, после многих бед, ты попадёшь на берег моря. В синем небе ты увидишь громко кричащих чаек, прохладный воздух остудит твои неприкрытые руки и ноги. Ветер постарается вырвать яркую хвостатую птицу из твоих рук. Там, на берегу этого моря, ты встретишь мужчину со светлыми волосами. В руках он будет держать музыкальный инструмент со струнами, но не лютню. Он позовет тебя, и ты пойдёшь с ним. Эленья Туилиндо, ты встретишь свою любовь, Элени Нандаро. Ты узнаешь его сразу.

– Как я узнаю его? – спрашивала я.

– Ты узнаешь его, Эленья Туилиндо, Звёздная ласточка. Не сомневайся, Туилиндо, ты встретишь, Эленандара.

– *Saila've* немного ошибся, у тебя в руках не было скрипки. Но я узнала тебя сразу.

Она почему-то сильно опечалилась, в глазах заблестели слёзы.

– Мири, что с тобой? Твой, как его там, предсказатель, нагадал всё верно. – Даниель обнял девушку и стер слёзы. – Не плачь. Ты узнала меня, и я рядом, а из кухни пахнет чем-то вкусным. Пошли, я очень голодный.

На плите что-то тихо побулькивало. Мирослава открыла сковородку, попробовала, сказала: «Готово», – и разложила в тарелки пряный, ароматный рис с кусочками курицы.

– Я не успела сделать салат, – виновато сказала она.

– Не успела и не надо. Мне никто раньше не готовил, а ризотто я ел только в ресторанах, такая еда впервые появилась на моей кухне, – Даниель сел и взял вилку

⁴ Мудрец – эльфийс.

– Но, все же, кое-что есть. Из овощей нашёлся только помидор. Я добавила моцареллу и сделала «почти капрезе».

На столе появилась тарелка с «почти капрезе», политым каким-то соусом. Он всё попробовал, и это было восхитительно вкусно: ароматное и деликатное ризотто и капрезе, чуть островатое, нежное.

– Мири, ты суперповар. Всё так вкусно. Дай добавки.

Она улыбнулась, положила ему ещё. Потом слизнула языком крошки из уголка его губ.

Он молчал, нежность топила его сердце.

– Мири, прекрати это, а то опять уташу в спальню.

– Ладно, я не буду, – она смиренно сложила руки.

– Ты маленькая хитрая ласточка.

– Нет, я – большая хитрая Ласточка, – возразила она.

Солнце закатилось за море, время бежало, мир жил своей шумной жизнью, а они всё сидели на кухне, болтали всякую чепуху и смотрели друг на друга, боясь обняться и разбудить утихший пожар. За окнами стемнело, луна заступила на пост и с любопытством подглядывала за понравившейся ей парой.

Очнувшись, Даниель отвёл девушку на диван.

– Садись, я буду играть для тебя. Хочешь?

Она кивнула и застыла на месте, не двигаясь и почти не дыша.

Он играл ей «Первую скрипичную сонату» Брамса. Трагическая и возвышенная, она завораживала бездонной глубиной и печалью. Звук лился изнутри него? Или изнутри скрипки?

А она слушала и, не отрываясь, смотрела на него. Глаза её обжигали, сияли ярко, переливались в унисон музыке.

Потом они молчали. Он мягкой тряпочкой привычными движениями протер скрипку и убрал её в футляр. Мирослава дотронулась до его плеча.

– Даниель, я никогда этого не забуду. Твоя музыка, – она помолчала и продолжила, – она очень печальна. Она теперь здесь, – и она показала на голову. – Я буду с ней умирать.

– Что за глупости, Мири, – нахмурился Даниель. – Ты лучше с ней живи. Никаких умираний, разве что от желания. И это я сейчас проверю.

«Какие резкие у меня переходы, – подумал Даниель, – от возвышенной красоты к красоте земной».

Он утащил девушку в спальню, снял с неё футболку. Долго любовался юным прекрасным телом. Его руки, только что извлекающие волшебные звуки, играли совсем другую мелодию.

Она смеялась: «Ты смотришь на меня, как на картину в музее».

– Но тебе ведь нравится? – он провел пальцем по нежной шее.

– Мне нравится всё, что ты делаешь, – выдохнула она.

Он пытается продолжить игру, чуткие пальцы скользят по груди, задерживаются на мальчишеских бедрах, но притаившийся на короткое время пожар, разгорелся и не унимался, пока не иссякли силы.

День третий. Поездка в торговый центр

Утром он опять проснулся от запаха кофе и тонкого аромата корицы. Спальню заливало солнце, проникшее сквозь задёрнутые шторы. Мирослава напевала на кухне, за окном заливались птицы, и все звучало чисто и звонко.

«Весенняя соната Бетховена. Надо будет сыграть для Мири».

Он вспомнил, как Мирослава собралась умирать под «Первую скрипичную сонату» Брамса, созданную под впечатлением известия о смерти сына композитора Роберта Шумана.

«Похоже, что она не слушала классическую музыку, но она безошибочно чувствует».

Соскучившись, он поспешил на кухню и его встретил сияющий взгляд родниковых глаз.

«Я уже не могу обходиться без этого света, – удивлённо подумал Даниель».

На этот раз, на завтрак были поданы сырники с ягодным соусом. В кофе чувствовалась корица.

– Ты меня раскормишь.

– Это совсем некалорийные сырники. Я добавила всего две ложки муки.

– Я привыкну каждый день есть что-то вкусное и растолстею.

– Не растолстеешь, – смеялась Мирослава, – готовить-то уже не из чего, продукты почти кончились. Сегодня я нашла пачку творога, а завтра будет задача: приготовить завтрак из того, что есть в холодильнике.

Он открыл холодильник и удивился его пустоте. На полках стояли пакеты апельсинового сока и молока.

– Мы съездим в супермаркет и всё купим, но попозже. Мне надо заниматься.

– Можно я посижу на веранде? – Мирослава обняла его, положив русую голову ему на грудь.

– Конечно, Мири, посиди, – он погладил её по макушке.

– Ты пахнешь ромашкой и солнцем, – Даниель не хотел её отпускать, но всё же он разжал руки.

Мирослава захватила планшет и вышла на веранду в одной его футболке. Солнце светило ярко, но воздух ещё по-весеннему охлаждал кожу, однако Мирославу это нисколько не заботило. Она удобно уселась в кресле и, положив длинные ноги на другое кресло, раскрыла планшет.

– Холодно, Мири, – он вынес ей плед, укрыл плечи, и она благодарно просияла в ответ.

Первое прикосновение смычка к струне всегда радовало его. Он сосредотачивался, отвлекался от всего. Сначала обязательная программа: этюды, гаммы, но рутина не пугала его. Он любил и её. Но сейчас он хотел играть свои любимые произведения и играл, меняя настроения и оттенки. Он играл скрипичный концерт Баха и, увлечшись печальной старинной музыкой, не заметил, как пролетело несколько часов.

Убрав скрипку, Даниель вышел проведать девушку. Мирослава спала, укутавшись в плед. Он подобрал выпавший из её рук планшет, и с любопытством взглянул. Рисунок эльфа исчез, и экран пестрел формулами, схемами, графиками. Он дотронулся пальцем до дисплея, и формулы ровными строками нескончаемо побежали вниз. Добравшись до конца страницы, Даниель увидел текст на незнакомом языке и несколько восклицательных знаков.

– Мири, вставай, – потряс он её за плечо.

Девушка резко подскочила: «О, я заснула, здесь так хорошо, свежий воздух и солнце».

– Мы едем в супермаркет за продуктами, ты не забыла?

– Едем-едем, я сейчас переоденусь, – заулыбалась она и радостно побежала за белым платьем.

– Ты поедешь в этом платье? – удивленно спросил Даниель.

– А что не так? Это очень хорошее платье, эльфийская работа, ручная вышивка, – недоумевала она.

– Платье-то хорошее, но ведь холодно!

– Но у меня нет другого, – она пожалала плечами.

– Возьми пока это, – он принес ей свой теплый вязанный кардиган, – а по пути в супермаркет мы заедем в торговый центр и купим тебе одежду.

– Купим одежду? Как это и зачем? – спрашивала она. – Мне нравится мое платье.

– Очень просто, зайдём в магазин, ты выберешь одежду, и мы её купим. Ты что, никогда не покупала одежду? – удивился Даниель.

– Покупала, конечно, – запинаясь, сказала Мирослава, – я заказывала в основном, забыла слово, а – онлайн.

– А сегодня выберешь в магазине. Поехали, – он повёл девушку к машине.

Она нехотя плелась за ним и явно была не рада поездке за одеждой.

Даниель вывел из гаража автомобиль, открыл ей дверцу.

– Садись, что ты застыла?

Она действительно застыла, разглядывая машину. Потом обошла её вокруг, села рядом и восторженно сказала:

– Это твой автокар? Какой интересный ретро-экземпляр.

– Отчего это ретро? – обиделся он. – Это новая модель.

Он недавно приобрел этот автомобиль – спортивный Audi. Дорогой и престижный.

– Да? Прости, пожалуйста, – расстроилась она, – я ошиблась. Не видела таких автокаров.

– А ты водишь автомобиль, Мири?

– Конечно, вожу. Я супердрайвер, – похвасталась она. Такую модель я не водила, но быстро научусь. Может быть, тебя прокатить? – спросила она, с надеждой глядя на него.

– Ну уж нет, вдруг ты разобьешь машину, как те японские вазы, – отказался Даниель.

Это сравнение ей не понравилось.

– Я разбила старинные китайские вазы.

– Ну, Мири, не дуйся, у тебя ведь нет водительской лицензии, – сказал Даниель и резонно добавил. – А вдруг нас остановит полиция?

– Да, я забыла, прости, – она поёрзала, удобно устраиваясь на сиденье.

Автомобиль мягко зашуршал шинами, и они покатали сначала по узкой дороге, а потом выехали на автостраду. Мирослава внимательно смотрела на Даниеля, изучала его движения, а потом уставилась в окно, отвлеклась на пейзажи. Шоссе змейкой вилось между небольших холмов, заросших орешником, мимо виноградников и оливковых рощ. По зелёной траве лениво бродили упитанные коровы, и Мирослава провожала взглядом каждую пятнистую бурёнку.

Кружа и петляя по холмам, шоссе привело их в небольшой живописный городок. Миновав центральную площадь с памятником и городским управлением, обогнув церковь с высокой колокольней, Даниель свернул на узкую улицу и направился вглубь города. Вскоре они выехали на большую торговую площадь, и впереди показалась яркая реклама – «Меркурий». Даниель нашел стоянку – в марте это было легко – припарковал машину и, крепко держа Мирославу за руку, повёл её в торговый центр. Теплый вязанный кардиган она оставила в машине и совсем не мёрзла в летнем белом платье.

Городок жил обычной несезонной жизнью. Почти все уличные кафе ещё не выставили столики на улицу, ветер раздувал полосатые маркизы над окнами, на тротуарах стояли горшки с нарядными цветами, между ними лавировали велосипедисты. Лавки уже готовились к наплыву отдыхающих, блестели начищенными старинными ручками дверей, пёстрыми витринами, завлекали модными хитами. Туристы ещё не захватили город и по малолюдным улицам можно свободно идти, не проталкиваясь сквозь шумную разноязыкую толпу.

Мирослава, которая обычно не ходила, а как будто летала, теперь медленно тащилась за ним. Она разглядывала всё: витрины, цветы в горшках, торговцев, спотыкалась на каждом шагу, наклонялась погладить чужую собаку, засматривалась на велосипедистов. Девушка тянула его на другую сторону улицы, желая рассмотреть витрину с антикварными куклами. Они зашли в лавку букиниста, и Мирослава с удовольствием листала старые пыльные книги, разглядывала диковинные картинки в старинных альманахах. В углу на тумбочке стоял антикварный патефон, на нем крутилась черная пластинка, и итальянский тенор Марио Ланца чувственно и ярко пел неаполитанскую песню «Dicitencello a 'sta cumpagna vostra⁵». Мирослава отложила книгу и подпела хрустальным голосом:

Скажите девушки подружке вашей,
Что я ночей не сплю, о ней мечтая.

– Синьорина поет, как соловей, – удивлённо пробормотал седой букинист.

Они вышли из тёмного помещения, постояли немного, привыкая к яркому солнцу. А потом пересмотрели все магнитики и открытки на сувенирном лотке, потрогали шипастые кораллы и перламутровые ракушки. Мирослава сбегала за улетевшим со стенда ядовито-розовым синтетическим шарфом и, улыбаясь, вернула его продавцу. Даниель, смеясь, следил за ней.

«Очевидно, что Мири никогда не была в таких местах. Неужели её держали взаперти? Но откуда тогда в ней столько искренней радости?» – думал он.

Она застыла у шоколадной лавки на несколько минут и, обернувшись к нему, восхищенно сказала: «Смотри, Даниель, домик сделан из шоколада, и фигурки тоже шоколадные».

– Хочешь зайти?

– Хочу, – она радостно закивала головой.

В лавке пахло шоколадом и мандаринами, из старенькой стереосистемы хрупко и нежно звучал «Танец Феи Драже» из «Щелкунчика».

«Рождество, – подумал Даниель, – здесь навсегда застыло Рождество».

Осмотревшись, Мирослава попробовала кусочки дегустационных конфет, зажмуриваясь от удовольствия. А потом заговорила с пожилым мужчиной, стоящим за прилавком, на французском языке, уверенно грассируя:

– В этот шоколад, месье, Вы добавили немного острого перца, в этот – каштан, а этот, самый вкусный, с кардамоном. Месье, вы настоящий бельгийский шоколатье.

Лавку держал, непонятно как затесавшийся сюда, пожилой бельгиец. Порозовевший от похвалы торговец положил ей в бумажный пакетик несколько дорогих конфет. Деньги брать отказался. Он ласково смотрел на девушку и раскатисто журчал: «Мадемуазель такая молодая и уже так хорошо разбирается в шоколаде. Месье, такая прелестная мадемуазель, заходите еще, на следующей неделе будет новая партия шоколада, интересные сорта», – заливался он.

Мирослава едва успела сказать: «Мерси, месье, мы обязательно придём», а Даниель уже тащил девушку прочь, незачем очаровывать разных лавочников. Мирослава послала шоколаднику воздушный поцелуй, сказала: «Au revoir!» и неохотно поплелась за ним.

– Ты хорошо говоришь по-французски. Как ты догадалась, что хозяин магазина – бельгиец? – спросил он.

– Расслышала акцент в его приветствии. И самый лучший шоколад делают в Бельгии, значит бельгиец, – объяснила она.

– Интересно, что ты еще умеешь?

– Даниель, ты торопишься? – проигнорировала вопрос Мирослава.

⁵ Скажите вы ей (итал.)

– Мы идем за одеждой, ты не забыла?

– Может быть, погуляем немного? – тихо попросила девушка.

«Она еще маленькая совсем, – подумал Даниель, – ей хочется гулять, а я запер девочку дома».

Но от своего плана не отступил:

– Сначала одежда, всё остальное потом.

Наконец, с остановками почти на каждом шагу, они всё-таки добрались до торгового центра.

«Меркурий» встретил их яркими красками, запахом кофе, громкой навязчивой рекламой вперемешку с популярными мелодиями. Вокруг сновали люди, смеялись, болтали на разных языках. В витринах красовались безглазые, безбровые манекены, наряженные в разноцветные одежды.

Эта обычная суета привела Мирославу в восторг. Она сунула ему в руки пакет с конфетами, а сама водила глазами по всей торговой пестроте, по этому празднику потребления, ахала, принималась, прислушивалась к разговорам, распознавала обрывки фраз, повторяла их с восторгом: «Это шведы, а это немцы, о-о, и китайцы тоже здесь». Он крепко держал её за локоть, боясь, что разноязыкая толпа унесёт её. Увидев красно-белые воздушные шарик, висевшие на потолке, она подпрыгнула, вытянула шарик из связки, понесла его за нитку, а тот плыл за ней ярким облачком, как позавчера змей на пляже. А потом она присела и отдала шарик смешному малышу в бейсболке, который тарасил на нее синие глазки. Его сестрёнке достались отобранные у Даниеля конфеты. Дети облепили её ноги, родители благодарили, все они весело смеялись, и Даниель почувствовал себя лишним в том облаке обожания, которое тянулось за Мирославой. Он схватил её за руку и потащил на эскалатор. На втором этаже они сразу уткнулись в отдел электроники, Мирослава замерла и жадно смотрела на чёрные матовые экраны лаптопов и ноутбуков. Клавиатуры, мыши, колонки и прочие электронные запчасти строгими рядами лежали на прилавках, молодые продавцы, напустив на себя профессиональный вид, разговаривали с покупателями.

– Что это за устройства? – спросила она, волнуясь, и даже колокольчик её охрип.

– Это обыкновенные компьютеры, у меня дома такой, пошли отсюда, – и он утянул девушку от этого электронного рая.

– Компьютеры? А можно посмотреть? – попросила девушка.

– Ты никогда не видела компьютер? – удивился Даниель.

Она неуверенно покачала головой.

Вокруг ходили люди, многие его узнавали, показывали на него пальцем, и он нервничал. Сейчас нацелкают фото, закидают Твиттер снимками и насочиняют сплетен.

– Дома посмотришь. Давай поскорее, купим тебе одежду и уйдём отсюда, – торопил он девушку. – Какой бренд ты любишь?

– Бренд? – не понимала она.

– Бренд, Мири, какая марка тебе нравится? Выбирай! – Даниель обвёл рукой все стеклянные отделы с одеждой.

– Я не знаю. Может быть этот? – она указала на магазин молодёжной одежды «Forever 21».

– Это обычный магазин для подростков, тебе надо что-то получше, – и он, любивший хорошие брендовые вещи, повёл девушку в единственный дорогой бутик в этом центре – «Massimo Dutti».

– Пи-пи-пи, – пронзительно заверещала противокражная рамка.

Мирослава отскочила и с ужасом уставилась на мигающие красные лампочки. Даниель взял её за руку.

– Мири, что с тобой? Это всего лишь турникет.

Подбежавший охранник, оглядел по-летнему одетую девушку с пустыми руками и забормотал извинения, из которых Даниель понял, что видимо, устройство сломалось. На лицо Мирославы постепенно вернулась краска, турникет опять противно засигналил, и они вошли внутрь.

В бутике пахло дорогим парфюмом, шёлковые платки сверкали пайетками в свете ламп, сияли никелированные стойки с одеждой. Разряженные в вечерние наряды манекены в изысканных позах застыли у белого дивана. Из динамиков тихо звучала ария «Un bel di vedremo», страстное желание счастья Мадам Баттерфляй из оперы Пуччини.

«Однако, – подумал Даниель, – торговцы ставят фоном оперу. Увеличивают продажи?»

К ним подлетели продавщицы, закружились, застрекотали дежурными вежливым очередями слов и радостными улыбками. Они быстро узнали его:

– Ах, вы ведь Даниель Остин, ой, а можно фото, а можно автограф, – привычно для него щебетали девичьи голоса.

– Дамы, обязательно фото со всеми и автографы, но сначала помогите этой девушке, – Даниель указал на Мирославу.

Она осталась возле входа и растерянно хлопала ресницами, ослепшая от роскоши и оглохшая от стрёкота продавщиц.

Он посмотрел на девушку, лаская взглядом, мысленно целуя и ободряя.

«Совсем дикая, моя маленькая ласточка», – думал он.

Все его прежние девушки обожали шопинг, бегали с горящими глазами по магазинам, охотками таскали вещи в примерочную комнату. А Мирослава стояла совершенно потерянная и смотрела в коридор, желая поскорее удрать из роскошного бутика.

– Ну, давай же, Мири, выбирай, – подтолкнул её Даниель.

– Даниель, а что надо делать? – шепотом спросила она. – Где здесь материализатор?

– Какой материализатор? Примерочная вон там. Снимаешь вещи с плечиков и идёшь примерять, ничего сложного, – недоумевая, объяснил он.

– Дамы, – призвал он крутившихся возле него продавщиц, – помогите синьорине.

Продавщицы наконец-то обратились к девушке: «Что вы желаете, синьорина, что вам подобрать?»

Синьорина пожала плечами, а потом решительно сказала: «Я хочу эти брюки, – она показала на джинсы, – и вот эту вещь, не знаю, как называется, – она указала на голубой свитер.

– Дамы, принесите этой девушке джинсы, тёплый свитер, несколько разных. Нарядное платье, для выхода в ресторан. И хорошее пальто, – распорядился он.

– Мне не нужно столько одежды, – Мирослава смотрела на него огромными сердитыми глазами.

– Всё, Мири, примеряй, покупай, я оставлю тебе карту, и пройду по центру, – он вручил ей кредитку.

– Что это за карточка?

Мирослава вертела его кредитку, девицы завистливо смотрели на неё.

– Это карта для оплаты покупок, – сказал Даниель, чувствуя себя учителем в первом классе.

– Дамы, – обратился он к продавщицам, – полная помощь синьорине, я на вас надеюсь.

Он, игнорируя умоляющий взгляд Мирославы, быстро вышел.

«Странная девушка: шарики, конфеты, собаки, дети, всё это привлекает её, а одежду ей не надо, на кредитку смотрит, как будто не видела никогда. Точно, девочку не пускали никуда, вот она и сбежала. Я тоже сбежал когда-то и тоже ничего не знал, и не умел».

Он вспомнил то время, когда ушёл от материнской опеки, и как бытовые проблемы обрушились на него. Он хорошо понимал Мирославу и стал спешить, боясь надолго оставлять её. Он собирался купить ей подарок, хотел, чтобы ее родниковые глаза засияли радостью.

– Украшение, конечно же, – решил Даниель.

Он заметил, что у Мирославы не было никаких украшений: ни колечка, ни серёжек. А дырочки в маленьких, чуть острых ушках были. Даниель торопливо спустился вниз к ювелирному отделу, выбрал красивые серьги с изумрудами на ажурных плетёных висюльках. Забрав коробочку, он поспешил назад. Мало ли что может случиться с девушкой, потеряется ещё. Пронзительно запищал турникет, и Даниель побежал по эскалатору, спотыкаясь и налетая на людей.

Мирослава ждала его у входа в бутик, и растерянно смотрела на охранника, проверяющего чеки и пакеты в её руках.

Всё в порядке, облегчённо выдохнул он. Просто Мири боится реагирующих на неё турникетов.

Даниель с огорчением заметил, что она так и не поменяла своё летнее платье на новую одежду.

«Не буду больше оставлять её одну, я бы заставил её переодеться», – подумал он.

– Даниель, я всё сделала, – и она показала на несколько пакетов, – я не знаю, дорого это или нет, я не знаю с чем сравнивать.

– Пошли, Мири, нам надо ещё обувь купить и бельё, – поторопил он девушку.

Продавщицы обиженно захныкали, и он привычно попозировал с ними под щёлканье телефонной камеры, потом на чём-то расписался и потащил Мирославу к выходу.

– Даниель, а зачем ты подписывал эти открытки? Эти девушки, что они с ними будут делать?

– Это автограф, не знаю, что они будут делать, – пожал плечами Даниель. – В коробку положат, будут потом детям показывать.

– Бумажку? Я не хотела бы бумажку, я и так всегда буду помнить тебя. Вот здесь, – и она показала на сердце. – Вот здесь будет надпись: «Elenandar». Мой Звёздный арфист.

Он был рад, он смотрел на девушку, тонул в её глазах и, совсем забыв про дела, вытащил пакеты из её рук и гладил её тонкие пальцы. Щелчок телефонной камеры выдернул его в реальность, и он повёл девушку в обувной отдел, решительно игнорируя очередной вопящий турникет. Он настоял на туфлях на каблуках, а высокие ботинки для улицы Мирослава выбрала сама.

Бельё она отказывалась покупать, ни за что не хотела даже заходить в бельевого отдела.

– Это кружево будет везде тереть, я не могу такое носить.

Ему пришлось прибегнуть к шантажу.

– Я хочу видеть это на тебе. Будешь надевать для меня, а я буду снимать.

Только тогда она согласилась зайти, отскочила от турникета, но примерять всё равно отказалась, и, положившись на опыт продавщицы, они взяли несколько комплектов красивого кружевного белья, с бантиками на самых неожиданных местах.

Обвешавшись пакетами, они пошли к выходу. На первом этаже на них налетела группа молодых девиц и, окружив его, оттеснила Мирославу. Девчонки визжали, Даниель привычно улыбался, фотографировался, не забывая поглядывать на Мирославу, отошедшую к фонтану. Лицо её светилось в брызгах воды, она сияла своей чудесной улыбкой, ни грамма ревности не было у неё, а только чистая радость. Ей нравились эти девушки, которым нравился он. Даниель на минуту отвлёкся, подписывая автографы, а когда он опять посмотрел на Мирославу, всё стало плохо. Одна из девиц, крупная фигуристая ярко-красивая блондинка, наклонившись к Мирославе, что-то шипела ей и дёрнула за платье. Мирослава смотрела на неё огромными, недоумевающими глазами. Девица сильно потянула за платье, раздался треск, и платье порвалось по шву.

Мирослава молниеносно схватила девицу за руку.

– Зачем ты порвала платье, – зазвенел голос, – за что? Я ведь ничего тебе не сделала.

Он бросился к ней, но не успел. Мирослава кинула пакеты на пол, и, зажав рукой порван-ное платье, умчалась прочь. Наткнулась на крутящуюся дверь, запуталась, но увидев рядом обычную дверь, вылетела из торгового центра.

– Мири, подожди, – он тоже бросил пакеты, побежал за ней, ругая себя последними сло-вами, – убью каждого, кто обидит Мирославу.

Совсем не агрессивный обычно, он был в ярости. Какая-то дрянь довела до слёз его Мири, его ласковую девочку. Он догнал её уже на улице, она, не глядя по сторонам, перебежала дорогу, машины резко останавливались, тормоза визжали, водители темпераментно ругались.

Он сделал то же самое и, не реагируя на визг тормозов и ругань водителей, догнал споткнувшуюся девушку и схватил её за руку:

– Мири, Мири, что случилось?

Она смотрела на него полными ужаса глазами.

– Я чуть-чуть не ударила человека.

Она тряслась и рыдала, он вытирал ей слёзы, ничего не понимая.

– Посиди тут, – он увидел открытое кафе-мороженое, отвёл её туда и посадил за столик.

– Сейчас я принесу твои покупки, мы вернёмся в машину, и ты мне всё расскажешь.

Даниель вернулся в «Меркурий» и, игнорируя стайку тех же девиц, вертевшихся вокруг фигуристой блондинки, хныкающей и потиравшей запястье, быстро прошел к фонтану. Их покупки лежали там, где они их побросали. Охранник, помогая ему собирать пакеты, сочув-ственно трещал: «Синьор, такая досада, эта женщина обидела вашу милую синьорину. Ах, эти женщины, беда с ними». Даниель отогнал назойливого охранника и поспешил назад.

А Мирослава сидела в кафе, ела мороженое, вокруг неё вился толстый усатый хозяин, они весело болтали по-итальянски. Хозяин вытирал ей салфеткой уже почти высохшие глаза, гладил её по щеке. Проигрыватель гремел старым хитом Руро в тему: «Gelato ai Cioccolato⁶». Мирослава смеялась, слизывая яркое лакомство из рожка.

«Что за девчонка, то слёзы, то смех!» – думал Даниель.

– Мири, сходи, переоденься, а я пока расплачусь за мороженое, – он подал ей пакеты с одеждой.

– Синьор, синьор, что вы, – замахал руками хозяин, – это подарок синьорине, она так плакала. Такие молодые хорошенькие синьорины не должны плакать, они должны смеяться нам на радость, не так ли, синьор?

Сладкий голос Руро сменил Луи Прима с джазовой композицией «Банановое морожен-ное для моей детки».

Пока хрипловатый голос американского певца перечислял все ингредиенты популярного десерта, Даниель ждал за столиком и думал о том, что эту девушку многие не прочь приголу-бить, и она не пропала бы, даже если бы он не подобрал её на пляже. Эта мысль не понравилась ему, он хотел считать себя единственным спасителем. Послышались лёгкие шаги, и Мирослава вышла к ним – в джинсах, в светло-бежевом свитере тонкой вязки, в высоких ботинках. Новая одежда отлично сидела на ней, джинсы обтягивали длинные ноги, свитер подчёркивал тонкую талию. Она постукивала каблуками ботинок – ей явно нравились они. Энергичный, веселый регтайм Градески «Мороженое» отлично озвучил ее выход.

– Ma quanto sei bella, proprio bellissima⁷! – сладко запел хозяин кафе.

А Мирослава подошла к Даниелю и вплыла в его объятия.

– Спасибо, Даниель, мне нравится новая одежда.

⁶ Шоколадное мороженное (итал.)

⁷ Но какая ты красивая, просто невероятно (итал.)

Он держал её крепко, согретый её улыбкой, чувствовал под пальцами тонкие рёбра и хотел прямо сейчас утащить девушку куда-нибудь, сорвать с неё все эти новые шмотки, и исцеловать её с головы до ног.

«Она постоянно возбуждает меня, это и хорошо, и странно».

– Пошли, Мири, нам ещё надо в супермаркет.

– Даниель, а пальто, я забыла про него.

Она вытащила из пакета синее с чёрными пуговицами пальто, оторвала ценник, надела, покрутилась на каблуках, и из девчонки с пляжа превратилась в модную молодую красавицу.

Даниель и мороженщик уставились на нее с восхищением.

– Grazie mille, signore⁸ – улыбаясь, она ласково пожимала руки итальянцу.

Мороженщик сбегал за прилавок, принёс ей ещё рожок мороженого, большую салфетку и сказал: «Синьорина, осторожно, не испачкайте свое новое пальто».

⁸ Большое спасибо, синьор (итал.)

День третий. Поездка в супермаркет

Расставшись с хозяином кафе, они пошли по улице, Даниель нёс пакеты, Мирослава ела мороженое, прохожие глазели на неё, улыбались, она улыбалась в ответ. История с порванным платьем позабылась.

В машине Мирослава сидела молча, скользила глазами по встречным автомобилям, мелькающим деревьям, белым домикам с газонами и клумбами.

– Что тебе сделала та ненормальная? Отчего ты так расстроилась? – поспешил выяснить Даниель.

– Она говорила мне неприятные слова, что я тощая и некрасивая, что она лучше меня, и она должна быть на моём месте, что рядом с тобой должна быть красивая девушка, а не бледная моль, что ты скоро меня бросишь. Я слушала её и молчала, её слова не задевали меня. Эта девушка не обязана относиться ко мне хорошо, хотя я ей ничего не сделала и даже не знаю её. Но она дёрнула за моё платье и порвала его. Моё эльфийское платье! Аматаэль вышивала его для меня, – она снова плакала.

– Я куплю тебе тысячу платьев, ты только не плачь, – он съехал на обочину, остановил машину, обнял девушку, успокаивал, высушивал пальцами дорожки слёз, – не надо плакать из-за какой-то дуры.

– Но я схватила её за руку, я чуть было не ударила её, я чуть было не ударила человека из-за платья, – она безутешно рыдала.

– Мири, всё прошло, от меня никуда не отходи, на девиц этих внимания не обращай. Сейчас приедем в супермаркет, накупим еды, ты ведь хотела баловать меня своими кулинарными шедеврами.

И чтобы развеселить девушку, неожиданно предложил: «Садись, порули, ты же супердрайвер», – и вышел из машины.

Мирослава недоверчиво посмотрела на него, но не отказалась, перебралась на водительское место, он сел рядом.

– Объяснить тебе, как вести этот автомобиль?

– Не надо объяснять, все понятно, я видела, как ты ведёшь, мне достаточно.

И она резко рванула с места, вдавив педаль. Заревел мотор, дорога стремительно полетела навстречу.

– Мири, сбавь скорость, нас оштрафуют, это не автобан, – закричал он.

Девушка послушалась его, стрелка на спидометре поползла вниз. Даниель облегчённо вздохнул.

«А она отчаянная и ничего не боится».

Сам он не любил слишком быстрой езды и водил очень аккуратно. Он уже захотел отправить Мири обратно на место пассажира, но взглянув на неё, передумал. Она теперь ехала медленней, точно вписывалась в каждый поворот извилистой дороги. Её глаза ярко сияли, она улыбалась и счастливо смотрела на него, на мгновение отводя взгляд от дороги.

Вскоре показалось огромное строение супермаркета и Мирослава, получив от него утвердительный кивок, лихо подрулила к стоянке, ловко втиснула автомобиль на ограниченное белыми линиями место. Она захотела сама включить сигнализацию, и он дал ей брелок. Сигнализация пикнула, Мирослава радостно улыбнулась.

«Играю в игрушки, но мне это нравится», – думал он.

В супермаркете было прохладно и шумно. Назойливо кричала реклама, безголосо пели современные певцы, пикали кассовые аппараты, люди громко обсуждали покупки. Мири, протучав каблуками, вывезла тележку, и потянула Даниеля внутрь.

Опять заверещала противокражная рамка, но Даниель, не обращая внимания, повёл Мири в торговый зал.

– На тебя реагируют все турникеты, ты намагниченная девушка? – шутя, спросил он.

Она остановилась и растерянно посмотрела на него.

– Я пошутил, – поспешно сказал он. – Ты примагнитила только меня. Пошли. Выбирай ноты для своих кулинарных композиций.

– Здесь столько всего, – она бегала глазами по просторному залу. – Мы можем купить много?

– Бери что хочешь, только побыстрее, – он не любил супермаркеты и редко ходил в них.

И Мирослава послушала его. Это была совсем другая девушка, не та испуганная Мири в магазине одежды. Она с космической скоростью мчалась по рядам, лавировала тележкой, читала этикетки, быстро выбирала или отвергала продукты. В тележку летели яркие фрукты, ягоды, зелень, молоко, разные приправы, мясо, рыба. Мири окидывала тележку придирчивым взглядом и бежала дальше.

«Как будто в соревновании участвует: «Набери продуктовую корзину за десять минут», – подумал он.

– Даниель, можно я возьму мороженое? – прервала его размышления Мирослава.

– Мири, бери хоть тонну мороженого, не спрашивай.

– Тогда я возьму шоколадное и лимонное.

И она, забросив в тележку яркие брикеты, весело сказала:

– Вот теперь всё.

Она с детским интересом смотрела, как кассир пробивает продукты, как складывает их в пакеты, провожала глазами каждую покупку и когда кассирша назвала окончательную сумму, сказала: «Синьора, вы должно быть случайно ошиблись, вы два раза пробили этот пакет с молоком, а также взвесили эти яблоки как сорт «Мельба», а я взяла сорт «Эрлиест», он дешевле».

Кассирша недобро посмотрела на девушку, но ошибки исправила.

«Она считает, как калькулятор», – подумал Даниель.

Турникет предсказуемо заверещал, Мирослава оставив Даниелю тележку, вышла и встала возле кассы. Охранник, вспомнив, как звенела рамка при входе этой красивой девушки в дорогом пальто, махнул рукой и отправился по своим делам.

«Прогресс, – обрадовался Даниель, – она уже не боится».

– Как интересно здесь, в этом супермаркете! – восторгалась Мирослава.

– Раз тебе нравится, мы приедем сюда ещё раз, – смеялся Даниель.

– Но ты ведь не любишь супермаркеты?

– Я люблю смотреть на тебя, когда ты улыбаешься и не плачешь. – Он поцеловал её в нежную гладкую щеку. – Поехали домой.

Обратно машину вёл он, а Мирослава смотрела на него, не отрываясь, и вздыхала.

– Всё хорошо? – встревожился он.

– Всё хорошо. Просто мне нравится смотреть на тебя.

– Так смотри, но не вздыхай.

День третий. Дома

Дома Мирослава сняла новую одежду, аккуратно сложила её стопочкой на полке, которую он ей выделил, надела его футболку, умылась и отправилась на кухню разбирать сумки.

Он должен был заниматься, а вместо этого, он ходил за ней, мешал, обнимал за талию, вдыхал её ромашковый запах. Она смеялась, не прогоняла его, потом, побросав продукты, повернулась к нему, и он стиснул её так крепко, что она даже вскрикнула.

– Meleth non⁹ – прошептала она, – се perfaer non¹⁰.

Они нашли в себе силы дойти до кровати. Он зацеловал все её тело, выгладил руками каждый сантиметр. Она была горячая, как при лихорадке, он даже испугался: вдруг она обьелась мороженого и простудилась.

– Ты в порядке, Мири?

– Да, всё хорошо, просто я сейчас расплавлюсь.

Нежные ласки быстро пожирает ненасытное пламя, разгорающееся и уносящее в свою сердцевину. Но наступает и штиль, и он, обессиленный, обгоревший в пламени, лежит на ней. Девушка молчит и смотрит на него потемневшими глазами.

Спохватившись, он перенёс вес на локти, сказал: «Я не хочу вставать, но хочу есть».

– Тогда вставай, я приготовлю что-нибудь быстрое.

Он нехотя поднялся.

– Я найму повара, и ты не будешь готовить, а будешь сидеть рядом со мной или лежать подо мной.

Мирослава смеялась.

– Я лучше, чем повар! Буду готовить тебе как в ресторане, правда, я не знаю, как там готовят.

– Завтра мы поедем в ресторан. Ты ведь купила вечернее платье?

– Да, – вздохнула она, – купила. Я не очень люблю рестораны, Даниель. Там есть турникет?

– Ясно. На твоей скале ресторанов нет, и ты не знаешь, что это такое.

Она опустила голову.

– Мири, ничего страшного ведь не случилось. Не знаешь – узнаешь. Я хочу выйти с тобой в ресторан, и мы поедем в него, но завтра, а сейчас я буду заниматься.

– Хорошо, Даниель.

Они разошлись по своим делам, но тонкая невидимая нить связывала их, и они ощущали друг друга.

Он играл долго, и музыка его любимых произведений звучала по-другому, нежнее и горячее. Может быть потому, что сердце его билось по-другому и передавало свой изменённый ритм пальцам? Даниель увлёкся, зачарованный новым ощущением и новым звучанием знакомой музыки и очнулся только тогда, когда Мири тихо скользнула в комнату.

Он обрадовался, закончив любимое занятие, увидеть её. Пазл сложился. Даниель был одинок много лет. Красивые женщины радовали его, но недолго занимали его внимание. На длительные ухаживания у него не было времени, капризы раздражали, и женщины, так охотно становившиеся его подружками, вскоре не выдерживали его постоянные разъезды и отсутствие в такие важные для них даты, как день рождения её мамы или годовщина их знакомства. Скорее всего, они были бы не прочь привязать его покрепче, но это не удалось никому. Музыка занимала его сердце, с ней он не мог расстаться ни на один день, а женщины воспринимались

⁹ Моя любовь – эльфийск.

¹⁰ Половинка моей души – эльфийск.

как приятное дополнение и разнообразие. И уж точно, ни на одну из них он не накидывался диким зверем, а самолюбиво считал себя умелым и нежным любовником.

Что с ним случилось сейчас, он не понял и разбираться не хотел. Мирослава, эта странная, нездешняя девочка, сложила пазл. Когда она находилась на расстоянии взгляда, он чувствовал себя полноценным и наполненным чувствами. Когда она отсутствовала, он не ощущал себя полностью, ему не хватало её и эмоционально, и физически. Что будет дальше – он не знал, сейчас он был одним целым и хотел, чтобы это не кончалось.

Однако, она, его юная муза, пришла и сказала вполне земную, житейскую фразу и это тоже радовало его.

– Даниель, обед или уже ужин готов.

Он обнял её, не желая идти отдельно, и, заплетаясь ногами, они прошли на кухню.

Еда по-быстрому состояла из овощного салата, супа из красной рыбы с креветками, и даже отбивных.

– Это если ты супом не наешься, – сказала Мирослава.

– Мири, суп очень вкусный. Просто рыба и просто креветки – как ты сделала такую вкуснятину?

– Есть секреты, – смеялась она. – В каждом деле есть свои секреты. Завтра суп настоится и будет ещё лучше.

Он съел всё. И салат, и суп, и даже отбивную.

– Наверное, я растолстею, но всё очень вкусно.

– Я рада, что нравится, и ты не растолстеешь. Ты ведь тратишь много энергии.

Он не дал Мирославе мыть посуду, сам сложил всё в посудомоечную машину.

– Пошли, – он увлек девушку на диван, вспомнил, что хотел ее расспросить.

– Формулы у тебя в планшете – это что?

– Это домашняя работа по физике, по астрофизике, – немного подумав, ответила она.

– Ты учишь физику?

– Да, – с легкой запинкой ответила она.

– А где рисунок твоего учителя? – Даниель продолжил допрос.

– *Saila've*? Рисунок отправился в архив, могу достать, если надо.

– Ты легко говоришь на нескольких языках. Сколько всего ты их знаешь?

– Я не считала, – задумалась Мирослава. – Языки даются мне без труда, я полиглот. Умею распознавать акценты и диалекты, могу говорить с акцентом носителя – это свойство моего мозга.

– Значит, ты физик и полиглот, а ещё кулинар. Не много ли для одной девушки? – пошутил Даниель.

– Наверное, много, – она с тревогой смотрела на него. – Но так получилось.

– Всё хорошо, Мири, – успокоил он девушку.

– А можно теперь я спрошу?

– Конечно, спрашивай.

– Даниель, а эти девушки, – Мирослава все-таки хотела выяснить про его фанаток, – что они от тебя хотят? Почему та девушка так злилась на меня?

– Я известный исполнитель, эти девушки – мои поклонницы. У каждого популярного человека: музыканта, актёра, певца и даже политика – есть свои поклонницы. Они ходят на концерты, покупают диски. Они приносят деньги. А взамен хотят прикоснуться к кумиру, получить автограф, сделать фото. Это обычное дело, Мири. Ты сама разве не была фанаткой кого-нибудь, не хлопала на концертах, отбивая ладони?

– Нет, я не была ничьей фанаткой. Я даже не слышала это слово. Мне не надо бумажку с подписью. Но я их понимаю. Ты ведь такой талантливый и такой красивый. Значит, я тоже

твоя фанатка, Даниель? Твой автограф у меня здесь, она показала на грудь, – и здесь, – она показала на низ живота, – это лучше, чем бумага.

Он долго смеялся, потом вспомнил.

– Ты утром пела, и так хорошо. Ты поёшь?

– Да, я пою, – она помолчала и добавила, – иногда.

– Ну спой тогда, – попросил он

– Мне нужно... – Мирослава побежала за своим планшетом. – Мне нужно вот это, я не знаю, как сказать.

Некоторое время он следил за быстро бегающим карандашом. На пустом экране появился рисунок старинного многострунного инструмента.

– Это лютня? – узнал Даниель.

– Да, *taladaur*, точно, лютня, – обрадовалась Мирослава.

– Ну, лютни у меня нет, а вот гитара есть.

Он принёс ей гитару своего друга Мориса, сел напротив и стал с любопытством ждать.

Мирослава взяла гитару, удобно устроилась на диване, быстро и грамотно настроила её – подкрутила колки, пробежалась по струнам, и покачала головой.

Даниель удивленно смотрел на нее.

«Мирослава умеет настраивать инструмент? Если спрошу, то она замкнётся или расскажет про эльфа».

– Да, не лютня, – сказала она. – У меня была старая лютня, подарок эльфа *Saila've*. Ну ладно.

Она взяла несколько аккордов и, неплохо аккомпанируя себе, запела на незнакомом мелодичном языке. Печальный хрустальный голос нежно стелился, плыл, необычный высокий тембр завораживал. Выдохнув в конце полустоном последнюю фразу, она замерла и посмотрела на него.

Он долго молчал, покорённый нездешним, невероятным голосом.

– О чем эта баллада, Мири?

– Это баллада об Эленья Туилиндо, о Звёздной Ласточке.

– Кто написал балладу и что это за язык?

– Балладу написал *Saila've* специально для меня. Это эльфийский, – она замолчала, опустила голову, и нехотя продолжила, – ну, то есть, древнекельтский язык. Эленья Туилиндо это мое имя, так эльфы называли меня. Ты слышишь общий корень в наших именах? Элени Нандаро, Эленья Туилиндо. *Elen* – звезда. Я могу перевести балладу, но очень неточно, эльфийский язык почти не переводится на другие языки, не хватает образных слов. Мой перевод лишь тень красоты эльфийских слов. *Saila've* сожалеет, что я не могу остаться в Стране Утренних туманов, придёт время, и я покину её, он тревожится, что с моим уходом весна покинет его страну и навсегда останется зима.

И она снова запела, теперь уже без придыхания.

Звёздная ласточка, девочка-крошка
К нам прилетела неосторожно
Звёздная ласточка, в небо взгляни!
Звезды сияют тебе на пути.
Звёздная ласточка, спой вместе с нами,
Проснется ли солнце, будет весна ли?

– Мири, ты прекрасно поёшь и неплохо играешь. Какая физика, какая кухня – ты должна петь! Кто учил тебя?

– *Saila've* учил меня. Меня учили всему, что должна уметь приличная эльфийская девушка. Я умею вышивать, шить, сочинять стихи, немного играть на лютне, петь и даже стрелять из лука. *Saila've* хорошо выучил меня. Эльфийское пение очень трудно. Это придыхание в конце никак не давалось мне, пока я не додумалась применить одну из практик дыхания йогов, и у меня получилось! *Saila've* был доволен и разрешил мне спеть на собрании кланов. Я спела, и все сделали вот так.

Она положила правую руку на левое плечо.

– И вежливо похлопали. Значит, я спела хорошо. Это и был мой концерт, но автограф у меня никто не просил. Только *Isil'men* больно хлопнул меня по попе.

– Приставал к тебе?

– Нет. Лунный путь – так переводится его имя – злился, что всё внимание досталось мне, обычной девчонке, а про него, наследника знатного рода, забыли.

– Я совсем заговорила тебя, Даниель.

Она осторожно положила гитару на столик и села рядом с ним.

– Даниель, ты молчишь?

– Я до сих пор слышу твой голос. Почему ты не выступаешь?

Она резко встала и отошла от него.

– Я не могу ответить на этот вопрос. Прости.

– Ну, ладно-ладно, ты будешь петь для меня, – отступил Даниель

– Хорошо, но не сейчас. Я хочу зашить эльфийские платье. У тебя есть иголка и нитки?

– Мири, я же сказал, что куплю тебе тысячу платьев.

– Спасибо, но зачем мне тысяча платьев? – удивилась Мирослава. – Они не влезут в рюкзак.

– Зачем запихивать платья в рюкзак? – удивился и он. – Повесишь их в шкаф.

– Боюсь, что я заблужусь в этих платьях и никогда не выберусь из шкафа. Все же, есть иголка и нитки? – настаивала Мирослава.

Даниель сходил за своей большой спортивной сумкой, которую брал в поездки, порылся в ней, достал «набор путешественника» и отдал девушке.

Она ловко вдела нитку в игольное ушко, быстро и аккуратно зашила платье. Откусив нитку, внимательно рассмотрела свою работу и осталась довольна.

– Всё, платье как новое.

– Мири, бросай всё и иди ко мне.

Он вытащил платье из её рук, обнял девушку, положил ее на диван. Они лежали лицом к лицу на нешироком диване, согревали друг друга дыханием.

– Мы останемся здесь или пойдём в спальню?

– Я хотела принять душ.

– Подожди, я наберу ванну и сам искупаю тебя.

Он сходил в ванную комнату, включил горячую воду, добавил душистую пену, вернулся за Мирославой. Он попытался отнести её, но тоненькая и лёгкая на вид девушка оказалась тяжёлой.

– Не надо меня носить, – испугалась она, – у меня кости плотные, я дойду сама.

В ванне он раздел её, помог залезть в воду. Полил из душа на голову. Осторожно, следя, чтобы мыло не попало в глаза, вымыл голову. Мокрые волосы её потемнели, кожа порозовела. Она сидела, зажмурившись от удовольствия.

– Тебе нравится? – спросил Даниель.

– Нравится, – ответила она, не открывая глаз. – Я сейчас растаю под твоими руками и растворюсь в пене.

– Ты все время хочешь уйти от меня, я тебя никуда не пущу, даже не думай, моя Русалочка.

– Я не хочу уйти, Даниель, – тихо прошептала она.

– Тогда вставай, – он вытащил пробку из ванны.

Пенистая вода с бульканьем устремилась в воронку.

– Всё, пены нет, некуда растворяться.

Он сполоснул девушку душем, полюбовался её телом в капельках воды. И с сожалением закутал её в мягкое белое полотенце.

– Всё, Мири, иди, а то я накинусь на тебя прямо здесь.

– Накинись, – просияла она.

– Но я тоже хочу принять душ. Иди в кровать, я быстро.

Мирослава ушла, но вскоре вернулась, волоча полотенце.

– Сушилка для волос – у тебя есть она? С мокрой головой опасно спать, можно заболеть.

– Фен? Посмотри в нижнем шкафчике.

Мирослава достала фен, сняла полотенце и голая, встав напротив него, собралась сушить волосы.

– Мири, ты совсем не стесняешься наготы?

– Совсем. Когда-то у меня было обучение, то есть тренинг. Мы, ещё подростки, мальчики и девочки, голыми ходили по полигону, что ли, ну такое большое помещение. Ходили в разных вариантах, один человек идёт голый, а одетые стоят и на него смотрят, и наоборот. К тому же с достоинством надо было ходить, как будто на нас праздничная одежда. И так каждый день целый месяц. В конце концов, нам так надоело, что мы были готовы голыми идти на прием к президенту, лишь бы отстали, – засмеялась она.

– Что за дурацкий тренинг! Зачем это? – недоумевал Даниель.

– Привычка не стесняться наготы может помочь в разных неприятных ситуациях, – она помолчала и добавила. – С тех пор я и не стесняюсь, совсем. Тело есть тело, чего стесняться, – она пожала плечами. – У всех одинаковое. Кроме тебя. Ты – красивый, как Ахиллес, – она подошла к нему и провела руками по его телу, стараясь не пропустить ни сантиметра.

Он знал, что хорошо сложен, но про Ахиллеса слышать было приятно.

– Мири, сушись и уходи, а то, ты помнишь, я на тебя накинусь, прямо здесь, – напомнил Даниель

Послушная девушка включила фен, наклонила голову и разметала густые длинные волосы в пышное облако, не забывая, впрочем, поглядывать на него, просвечивающегося через прозрачную шторку.

– Ты не ушла?

– Я жду тебя, буду сушить волосы и тебе.

Он вышел из душа, завернулся в полотенце и Мирослава, встав на цыпочки, сушила ему волосы, мягко перебирая их руками.

Он все-таки накинулся на неё.

«Сколько это может продолжаться, – думал он. – Скользко, неудобно, опасно, но пожар об этом не ведает, полыхает, не давая передышки».

День четвертый. Серьги с изумрудами

Проснулся он рано, место Мирославы уже пустовало, но её подушка пахла ромашкой. Он лежал и гадал, что Мирослава приготовила на завтрак. Из кухни опять вкусно пахло.

«Я думаю только про Мири и про еду. Хорошо, что у меня есть музыка, а то я разъемся и замучаю девушку».

Он вышел на кухню, чуть-чуть недовольный собой, но сияющий взгляд Мирославы согрел его.

– Даниель, я приготовила гренки с творогом и банановым пюре.

Она положила на тарелку треугольные золотистые ломтики, сложенные башенкой. В середине белела прослойка из творога, сверху гренки политы густым банановым соусом и украшены двумя ягодами малины. Неизменная чашка черного крепкого кофе дополняла этот изысканный завтрак.

Он съел целых две башенки. Гренки оказались очень хороши: поджаристые хлебцы, мягкий творог, в банановом соусе слегка чувствовался какой-то необычный и приятный вкус.

– Что это в бананах?

– Я добавила чуть-чуть мускатного ореха. Тебе нравится? – она заглянула ему в глаза.

– Нравится. Это очень вкусно, – похвалил Даниель.

Она сияла от радости.

– Мири, посуду ты не моешь, а складываешь в машинку.

– Но ведь не может грязная посуда стоять несколько дней? – недоумевала девушка.

– Сегодня придет домработница и всё сделает. Сейчас я занимаюсь, а потом мы пойдем на пляж, чтобы не мешать уборке.

– Хорошо.

Она обняла его и смотрела переливающимися глазами.

Каждый раз такой её взгляд срабатывал как взмах дирижерской палочки, и он поспешил уйти.

«Несколько дней назад здесь, на кухне я пил кофе из кофемашины, ел криво сделанный бутерброд и был совсем один. А теперь у меня есть Мири, я смотрю в её прозрачные глаза и мне хорошо», – думал Даниель.

Мирослава расположилась на веранде со своим планшетом.

«Непонятная домашняя работа, – подумал он, – без учебника, без записей. Она просто смотрит на планшет, даже страницы не листает».

Но стоит ли задумываться над каждой странностью девушки. Она с ним – и это главное. А странности потом разъяснятся.

Он начал свои ежедневные занятия. Сначала гаммы – эти простые ученические упражнения создавали нужный настрой. Затем он отрабатывал штрихи, приёмы, и, подумав, решил сыграть двадцатый ноктюрн Шопена. Прекрасная, тонко выписанная филигранная мелодия, пропущенная через его сердце, долго звучала и парила в воздухе, обволакивая душу.

Закончив, Даниель отложил скрипку и задумался.

Всю его жизнь музыка была его единственной любовью. Он не мог прожить без музыки ни одного дня. Так было всегда. А сейчас к привычной замкнутой системе: он и музыка, добавилось новое, острое, яркое чувство. Он ещё не привык к нему.

«Не вытеснит ли оно музыку?» – спросил он у себя.

«Это невозможно» – ответил внутренний голос.

«Не помешает ли мне?»

«Я не знаю, – ответил голос, – не загадывай на будущее».

Внезапная мысль о том, что он может остаться без Мирославы, привела его в ужас, и он долго успокаивал застучавшее сердце.

«Она здесь, – успокоил он себя. – Сейчас я поведу Мири гулять, она обрадуется».

И он, предвкушая радость девушки, вышел на веранду.

Мирослава сидела со странно застывшим лицом, открытые глаза её не мигали и отсутствующе смотрели внутрь. Планшет лежал у неё на коленях, по экрану стремительным потоком бежали формулы. Даниель быстро сфотографировал формулы на телефон. А Мирослава смотрела прямо на него и ничего не замечала.

– Мири, что с тобой? – испугался он. – Очнись!

Девушка вздрогнула, ожила. Формулы тут же прекратили свой бег и исчезли.

– Прости, я задумалась, – виновато сказала она. – Я иногда так глубоко думаю, что выпадаю из реальности.

– О чем же ты думала? – заинтересовался Даниель.

– Я думала над правильной формулировкой квантовой гравитации. Это одна из нерешенных задач вашей... – она замолчала и, спохватившись, исправилась, – то есть, я хотела сказать, современной физики.

– Гравитация, значит. А обо мне ты не думала? – уязвлено спросил Даниель.

– Я всегда думаю о тебе, Даниель. Я думаю двумя каналами одновременно. Я думаю о тебе на канале «чувств», а на другом канале, я называю его «научный», я думаю про гравитацию, делаю расчёты, решаю задачи. Такое строение моего мозга. Иногда «научному» каналу не хватает мощности, он занимает канал «чувств», мозг работает с перегрузкой, и чтобы не тратить энергию на внешние раздражители, я надолго выпадаю из реальности.

Она замолчала, посмотрела на него прозрачными глазами и тихо добавила:

– А когда я с тобой, то «научный» канал отключается совсем.

– Ты, наверное, вундеркинд? – спросил он, поражённый необычным рассказом.

– Наверное. Тебе не нравятся вундеркинды? – она с тревогой смотрела на него.

– Я сам когда-то был вундеркиндом, – успокаивающе сказал он.

– Ты расскажешь мне? – заинтересовалась девушка.

– Расскажу, но потом. Сейчас мы пойдём гулять, скоро приедет синьора Манчини.

Он повел девушку к одёжному шкафу.

– Идём, я выберу, что ты наденешь.

– Может быть, я сама? – нерешительно сказала Мирослава.

– Я хочу тебя одеть, а когда вернёмся, то раздеть, – настоял Даниель.

Он просмотрел её новые вещи, достал комплект белья, серые джинсы и светло-серый свитер.

– Раздевайся, Мири.

Раздевалась она непринужденно и свободно. У неё не было даже проблеска тех сексапильных движений, которые так любят изображать женщины.

«Легкая грация речной нимфы» – думал он, – наигрыши флейты и переливы арфы подошли бы ей. Кельтской арфы».

Тело её было безупречно, и он не мог оторвать от неё глаз.

– Таких красивых физиков не бывает.

– А поваров? – смеялась она

– Не знаю, я совсем не интересовался поварами. Да и физиками тоже.

По очереди сгибая ноги в коленях, он надел ей кружевное бельё. Подумал, что в своих простых белых трусиках она по-девичьи прелестна, а это бельё делает её роскошной. Ему нравилась и та, и другая Мирослава. Потом он подал ей носки, надел джинсы и свитер.

«Я играю в куклы, – подумал он, – наверное, я сошёл с ума».

А Мирослава улыбалась ему и молчала.

– Ты красавица, ты знаешь об этом?

– Ты ко мне не критично относишься, но мне это нравится, – засияла она.

Даниель вспомнил про подарок, который он купил ей вчера и сходил за коробочкой.

– Мири, это тебе, – протянул он девушке маленький футляр.

– Мне? Вот эта коробочка? – удивилась она.

– Ну, открывай же, посмотри.

Она послушно открыла футляр и ахнула. На черной бархатной подушечке ярко вспыхнули изумрудами и белым золотом витые серьги.

Она рассматривала украшение, трогала серьги пальцем, любовалась.

– Это и вправду мне? – в голосе прозвенели слёзы.

– Ну не мне же. Вдевай их в уши.

Даниель удивился, почему Мири чуть не плачет. Все его девушки обожали подарки. Они резонно считали, что брильянты лучшие друзья девушек и подолгу стояли у ювелирных прилавков, рассматривая украшения.

– Помочь тебе? – предложил он.

– Не надо, я сама, – отказалась Мирослава, – дырочки давно заросли.

Она осторожно вынула одну серёжку и, прикусив губу, продела в мочку уха. Рядом с золотой дужкой сразу же появилась капелька крови. Пока он бегал в ванную за антисептиком, Мирослава уже продела вторую серёжку, а кровь исчезла. Она рассматривала себя в зеркало, убрав волосы за уши. Зелёные камни оттенили ручейные глаза, золотые подвески замечательно смотрелись в волосах цвета мёда.

– Это я, Даниель? – спросила девушка.

– Это ты. Тебе нравится? – он качнул серёжку и Мири счастливо улыbnулась.

– Мне очень нравится. Это прекрасные серьги.

Сияние её глаз опять стало почти нестерпимым.

– Мири, ты прожжёшь на мне дырки.

«Почему так ноет сердце? – думал Даниель. – Почему мне всё время кажется, что каждый такой чудесный момент никогда не повторится?»

– Я постараюсь не прожечь.

Она положила голову ему на грудь и смотрела в сторону.

– Спасибо, это такой чудесный подарок.

Нежность заливала его, но он ласково оторвал её и сказал:

– Я рад, что тебе нравится, а теперь пойдём, я слышу, что приехала синьора Манчини.

Надев синее пальто, Мирослава опять посмотрела на себя в зеркало.

– Мне идет это пальто?

«Наконец-то она заговорила, как обычная девушка», – подумал он.

– Тебе пойдет даже мешок, Мири. Пойдём.

А за дверью уже виднелась плотная итальянка с чёрными волосами, собранными в пучок. В руках она держала ведро, швабру и метёлку. Стеклопанная дверь разъехалась, и женщина громко застрекотала, не забывая поглядывать на девушку:

– *Buongiorno signore, signorina*¹¹. Вы идете прогуляться? Прекрасная погода сегодня, вам повезло.

«Прекрасная погода была и вчера, и позавчера, – подумал он, – с появлением Мирославы прекрасная погода каждый день».

¹¹ Доброе утро синьор, синьорина – итальянск.

День четвертый. Опять на пляже

Они шли, не заходя в сосновую рощу, а огибая её по длинной петливой тропинке. Тропинка забиралась на холмы, спускалась к зелёным шелковистым полянам. Везде царил цвет: солнце слепило глаза, небо ярко синело, как будто кто-то выкрасил его синькой, ветер качал цветущие деревья, птицы заливались весенними песнями. Десятки видов цветов уже горели на полянах: розовые, голубые, жёлтые, белые, они выглядывали из травы, и насекомые, жужжа, вились над ними. Мирослава не бежала вперёд, она шла рядом, смотрела по сторонам, вдыхала запах хвои, весенних трав и довольно точно передразнивала птиц. Она вертела головой, ей нравилось, как качаются в ушах серьги. Найдя редкую лужу, она разглядывала себя, сияя, смотрела на него, а потом, вспомнив, что обещала не прожигать дырки, отворачивалась.

– Какой красивый остров, – восхищалась она. – Я думаю, рай раньше был здесь.

– А куда же он делся? – заинтересовался Даниель.

– Наверное, Создатель перенес рай в другое измерение, в параллельный мир.

– Ты, фантазёрка, Мири, – улыбался Даниель.

– Я не могу быть фантазёркой, я же изучаю физику. Физика – реальная наука, хотя в ней есть такие тайны, что и вправду похожи на фантазии.

И тут же она отвлеклась.

– Смотри, ласточка полетела, туилиндо.

Действительно, чёрная ласточка с белым брюшком и раздвоенным хвостом прочеркнула небо и скрылась за поворотом.

Мирослава проводила её взглядом и помахала рукой.

А впереди засинело море. Ветер ерошил его хлопьями белой пены, солнце раскидало переливающиеся блики на волнах, чайки надрывно кричали и сумасшедше метались, зорко выглядывая зазевавшуюся рыбу. Море дышало и пело вечную музыку берега и бесконечной воды. Острый свежий запах щекотал ноздри, ветер раздувал волосы, беззастенчиво залезал под пальто и согревался теплом человека.

– Даниель, вот здесь я увидела тебя в первый раз, – она точно указала место, где несколько дней назад запускала змея.

– Почему ты пошла со мной? Ты же только увидела меня, – не подумав спросил он.

– Я уже говорила тебе, ты Эленандар, я не могла не пойти с тобой, – спокойно ответила Мирослава.

– А ты? Ты почему позвал меня, ты ведь тоже увидел меня впервые? – спросила она.

– Э-э-э, я не знаю, Мири. Ты была такая замёрзшая, я хотел тебя согреть. И не только. Ты мне понравилась, ты ведь красивая девушка. Почему бы мне не пригласить к себе такую красивую девушку? Ты ведь не жалеешь? Давай прекратим этот разговор, – он злился на себя за то, что завёл эту тему, и был не готов объяснять ей, что он рассчитывал всего лишь на короткую связь с симпатичной молодой девушкой.

«Кретин, – сердился он. – Зачем я это сказал? Мири обидится. Мимолётное желание переросло в чувство в первую же ночь, и сейчас каждая минута без Мири приносит мне боль».

Но Мирослава даже и не подумала обижаться. Она всегда принимала его слова именно так, как он сказал, и не искала в них скрытый смысл.

– Я ни о чём не жалею и никогда не буду жалеть, Эленандар. Даже если бы ты не вернул меня, я всё равно осталась бы счастливой.

Она повернулась к нему и уткнулась в пальто.

– *Nín hun gín na-erui*, – зазвенел голос, – моё сердце навеки твоё.

– Если ты будешь плакать, то мы никуда не дойдём, – успокаивал он девушку. – Смотри, может быть, мы прогуляемся вон туда? – Даниель показал на живописные валуны чуть дальше от них.

Мирослава кивнула, и они пошли вдоль кромки моря, старательно наступая в чьи-то следы на мокром песке, и кидали камешки, подпрыгивать на волнах. Большая серебристая чайка, пронзительно крича, покружилась над ними в надежде на подачку. Мирослава показала ей пустые ладони, и птица разочарованно отправилась ловить добычу в море.

Груда больших камней, заросшая плешивым темно-зелёным мокрым мхом, безмятежно грелась на солнышке.

– Каменные моржи вползают в море, – подметила Мирослава.

Она легко забралась на самый высокий, гладкий и скользкий камень и, прикрыв ладонью глаза от солнца, смотрела вдаль.

– Там далеко, – она махнула рукой, – плывёт водное транспортное средство.

– Ну, это же море, здесь всегда плывут корабли.

Даниель не смотрел на море, он боялся за Мири, которая опасно стояла на краю высокого валуна.

– А вот та полосатая башенка с фонарём, это что? – она повернулась налево.

– Это старинный маяк, – Даниель вспомнил про местную достопримечательность, – хочешь, съездим?

– Хочу. Конечно, хочу, – обрадовалась Мири.

– Слезай, ты высоко от меня, и я скучаю.

Мирослава не стала слезать, а подошла к краю камня, собираясь спрыгнуть.

– Осторожно, ты убьёшься, – он бросился к камню, но не успел. Мирослава уже стояла внизу, живая и невредимая.

Он прижал её к себе.

– Никогда больше не делай так, слышишь, Мири? Никогда! Ты могла сильно ушибиться, – волновался Даниель.

– Со мной ничего не случится, но я больше не буду прыгать, – она обняла его за шею.

Они долго стояли, прижавшись друг к другу, и солнце грело их лучами.

– Если мы пойдём дальше, то вот в тех камнях будет небольшая пещера, – сказал Даниель.

И они пошли и посмотрели пещеру, заросшую зелёным прохладным мхом. Мирослава залезла внутрь, и сказала оттуда гулким голосом:

– Это заваленный вход в волшебную страну.

– Это пещера Горного короля. Не стукнись головой, Сольвейг.

– Сульвей? – заинтересовалась она, вылезая наружу. – Солнечный путь? Эльфы звали бы её Анармен. Она сидела в пещере? Зачем?

– В пещере сидел Пер Гюнт.

Даниель напел две строчки известной композиции из сюиты Грига.

Смерть человеку!

Любимую дочь Доврского деда увлёт он!

– И я знаю балладу про троллей, – похвасталась Мирослава.

– Споёшь?

– Отчего же нет.

Мирослава запрыгнула на маленький валун и зазвенел, зазвучал хрустальный голос. Она сложила руки на груди и слегка пританцовывая, пела старинную скандинавскую балладу «Герр Маннелиг», выводя незатейливую мелодию с таким проникновенным чувством, что яркая кра-

сота итальянского острова сменилась суровым северным средневековьем, небо выщело, в воздухе повисла серая морось.

Однажды в час рассветный, ещё до пенья птиц
Княжне из рода троллей
Вдруг приглянулся рыцарь, она от чувств своих
Промолвила герою

Она чуть развернулась, протянула руки в сторону и печально умоляла невидимого рыцаря, обещая ему невысказанные дары.

Герр Маннелиг, Герр Маннелиг ты обручись со мной
Княжной пещерных троллей.
Я брошу всё к ногам твоим и слово за тобой,
Но лишь по доброй воле.

Вместо модного пальто на ней появилось драное платье из тёмной холстины, родниковые глаза ярко зазеленели, спутанные рыжие волосы трепал холодный ветер, в воздухе запахло острым ароматом горных трав. Даниель зачаровался необычным мистическим исполнением, но Мирослава заметила слушающих её прохожих. Она моментально умолкла, спрыгнула с камня, и магия рассеялась. Прохожие огорчённо разошлись.

– Мири, если мы пообедем, то будем зарабатывать на улице. Я буду играть, а ты петь.

Она промолчала, и Даниель постарался не обращать на это внимание, но в сердце всё равно тревожно кольнуло.

День четвертый. В прибрежном парке

День бежал к вечеру, и, насытившись солнцем, они возвращались домой другой дорогой. Путь их проходил через небольшой прибрежный парк. По зелёным аллеям прогуливались местные старушки с кокетливо повязанными шарфиками. Впереди старушек бодро трусили маленькие собачки в разноцветных курточках. Школьники шумной толпой неслись вперёд, не разбирая дороги, размахивая сумками с наклейками из комиксов, и грызли мороженое. На небольшой детской площадке малыши в ярких комбинезонах сосредоточенно возились в песочнице. Их мамы стояли рядом и громко галдели, время от времени покрикивая на расшалившихся детей.

Мирослава наблюдала эту совершенно обычную жизнь с восторгом первооткрывателя Австралии. Она подбирала шишки, упавшие с пихт и сосен, нюхала их хвойный запах, пыталась накормить ими белку, шустро скачущую им навстречу, провожала взглядом подростков на скейтбордах.

Даниель раскачивал её на деревянных качелях, Мирослава смеялась, и он был счастлив. Она захотела залезть на комплекс для лазанья в виде паутины, но он не разрешил, боясь, что девушка упадёт.

– Мири, это для детей, не мешай им.

Она не обиделась и пошла рядом, взяв его за руку.

– Эти люди, они гуляют так каждый день? – спросила она.

– Наверное, – ответил Даниель, удивлённый ее вопросом, – старики, дети, мамы – они не работают, что же им еще делать?

– Смотри, – показал он, – вон там небольшая летняя эстрада, летом на ней проходят концерты, играют музыканты, а люди слушают музыку и танцуют.

На небольшой лужайке стояли выкрашенные белой краской деревянные лавки, и одиноко пустовала летняя сцена под навесом в псевдоримском стиле: полукруглое арочное здание с двумя колоннами по бокам.

– Покажи мне. У тебя в твоём устройстве связи..., – она запнулась.

– В телефоне, – подсказал Даниель.

– Да, в твоём телефоне есть искин, то есть выход в сеть, покажи мне, как они танцуют.

– Я попробую, – Даниель пожал плечами.

Странная просьба. Мирослава никогда не видела танцы в летнем парке?

Они сели на скамейку в тенистой аллее и, порывшись в Google, Даниель нашёл любительскую запись танцующих людей. Плохо видимый в тени эстрады оркестрик наигрывал популярное танго «Por una cabeza¹²», а люди танцевали. Они, конечно, больше топтались на месте, но несколько пар вполне неплохо двигались в ритме танго.

Мирослава жадно просматривала ролик. Она разглядывала лица людей, их улыбки, засвеченные камерой блики в волосах.

Её глаза загорелись.

– Давай ты сыграешь, а я буду танцевать. Я тоже хочу летний концерт, – она тянула его к эстраде.

– На чем же я буду играть? – смеялся Даниель, – на себе? Вот так?

Он встал, снял перчатки, привычным движением положил воображаемую скрипку на левое плечо, взмахнул невидимым смычком и неожиданно воздух сгустился, сотворив для него скрипку. Он почувствовал движения смычка, прикосновение пальцев к струнам, услышал полноту и силу звука. Он заиграл, и мелодия поймала сердце в плен магией звучащей внутри него

¹² Потерявший голову (испан.)

музыки. Через несколько секунд он понял, что играет «Размышление» Массне, тонкую изящную лирику, проникнутую чувственностью, музыку, которая так подходит Мири. Он опустил воображаемый смычок и, продолжая держать скрипку из воздуха на плече, спросил:

– Что случилось, Мири? Почему у тебя слёзы?

– Ты ушел в другой мир, в другое измерение, тебя здесь не было, – ответила она.

– Да, со мной так бывает. Со скрипкой я часто ухожу по одинокой линии за горизонт.

С воображаемой скрипкой первый раз такое. Сам удивлён. Но я ведь вернулся, вытри слёзы, я с тобой.

– Давай я вытру, – он достал платок и вытер ей заплаканные глаза и нос заодно.

– Почему ты так часто плачешь, Мири? – спросил он. – Я не могу смотреть на твои слёзы.

– Многократно усиленная реакция, – пояснила девушка, – на стресс, на страх, на любые чувства. Организм такой, – добавила она.

– Не плачь, мы вернемся сюда ещё раз, и я сыграю тебе на своей скрипке это танго. Ты будешь танцевать с воображаемым партнером.

– Тангеро, – слёзы в глазах сменились радужными бликами.

– На сегодня концерт закончен. Пойдём домой.

День четвертый. Дома

Дом встретил их чистотой, блестели вымытые полы, разбросанные вещи вернулись на место.

«А ведь раскидываю только я, – подумал Даниель, – Мири никогда не бросает, как попало, свои немногочисленные вещи».

– Я не успела приготовить обед, – огорчилась Мирослава, – а мы так нагулялись.

– Ты не обязана каждый день готовить, и тем более расстраиваться из-за этого. Мы съедим что-нибудь.

– У меня есть пятнадцать минут? Я приготовлю салат.

– Готовь. А мне надо сделать несколько звонков.

Она побежала переодеваться, а он ушёл на веранду. Достал телефон, подумал, надо ли делать это, но всё-таки сделал. Он отослал матери фото Мириных формул. Его мать, известный психолог, была очень популярна и вела разные тренинги с кричащими названиями: «Разбуди в себе богиню», «Будь свободным», «Узнай свои желания». Он вспомнил, как мать рассказывала о молодом застенчивом физике, который хотел научиться знакомиться с девушками и посещал тренинг «Будь свободным». Даниель попросил мать показать фото формул этому физика, чтобы тот определил, настоящие ли они. Он переживал, что делает это за спиной Мирославы, но любопытство грызло его.

Мать сразу же ему перезвонила. Она, как всегда, говорила голосом с оттенками разных сортов шоколада.

– Дорогой, ты видел? – лился растопленный тёмный шоколад. – Интернет заполнен твоими фото с этой девушкой в торговом центре. Что у вас случилось? Почему она убегает со всех ног?

– Мама, у меня нет времени рыться в интернете и просматривать все фото про меня, – раздражённо ответил Даниель.

– А что всё-таки случилось? Что за бега вы устроили? – интересовалась мать, добавив в шоколад пузырьки плохо скрытого любопытства.

– Ничего особенного. Моя поклонница наговорила Мири разные гадости, а потом порвала ей платье, – вынуждено объяснил Даниель.

Растопленный шоколад остыл и затвердел.

– Дорогой, почему твоя девушка такая трепетная? Разве она не понимает, с кем она пришла, ты известный музыкант, а она обычная девчонка, ну пошипела на нее та девица, это ерунда, пережила бы.

– Это не ерунда. Мирослава не обычная девчонка, она и понятия не имеет, что такое «известный музыкант».

– Спать с тобой она имеет понятие, а что у известных исполнителей много поклонниц, и что не все они хорошо воспитаны, она не имеет понятия. Почему ты бежал за ней через весь торговый центр?

– Мама, прекрати. Мирослава – моя девушка, и я не дам её обижать.

– Почему она в летнем платье, у неё нет одежды? – не унималась мать.

– У неё есть одежда. Всё, заканчиваем. Мама, ты показываешь фото физика и только тогда звонишь, когда получишь ответ.

Шоколад запах выдержанным коньяком.

– Дорогой, девочка очень милая, но она совсем молодая. Тебе надо женщину постарше, поспокойнее, которая не будет бегать как ненормальная.

– Мама, позволь, я сам разберусь со своими девушками, – рассердился Даниель, и с раздражением нажал на красную трубку.

Потом с той же вестью о фото в интернете, позвонила сначала Ханна, потом Морис, потом ещё двое. И всем было до него дело, и все говорили одно и то же: девочка хорошенькая, но очень юная. Он некоторое время их успокаивал, потом рассердился и не стал больше отвечать на звонки.

Даниель прошёл на кухню, и сияющий взгляд Мирославы рассеял тревогу, разомкнул скрученные нервы.

– Мири, иди сюда. Скажи, ты не считаешь меня старым для себя? – спросил он.

Она вздрогнула, в глазах заблестели слёзы.

– Ты ведь Эленандар, ты никогда не будешь старым.

– Давай без твоих эльфийских штучек, – сердито попросил он. – Несколько человек сказали, что ты слишком молода для меня.

– А, так это значит, что я молода, а не ты старый, – заметила девушка.

– Ну да. Мири, ты чудо, – обрадовался Даниель.

– Ты не старый для меня, ты самый лучший, ты молодой, – она прижалась к нему так крепко, как могла, – я не умею объяснять, я чувствую. Я бы сказала по-эльфийски, но даже в этом языке я не найду слов. Когда ты рядом, я живу, я могу всё время смотреть на тебя, говорить с тобой, слушать, как ты играешь.

В её голосе звенели слёзы, глаза потемнели.

– Всё, всё, не плачь, – успокоился он и поспешил успокоить девушку. – Ты сделала салат? Давай обедать.

– Сделала. Салат «Краб Луи», из крабового мяса.

Надо ли говорить, что салат был очень вкусный, да и вчерашний суп настоялся и стал ещё лучше.

– Мири, сейчас мы отдохнём, а вечером поедим в ресторан.

– Может быть, завтра поедим в ресторан? Сегодня мы так хорошо гуляли. И ты обещал показать мне компьютер.

– Сначала иди сюда.

Он посадил девушку на колени. Забрался руками в волосы, прижался к гладкой щеке. Пусть все отстанут от него. Он нашёл небольшой кусочек оголённой кожи над левым ушком и поцеловал его. Губы чувствовали отчётливую вибрацию, он положил на квадратик чуткие пальцы, но вибрация прекратилась.

«Показалось», – подумал Даниель.

Они сидели, согревая друг друга, дыша одним тихим дыханием. И Даниелю нравились эти тихие, нежные моменты, когда пламя ровно горело мерцающей свечой, а не рвалось полыхающим огнем.

– Ну что, идём смотреть компьютер?

Он привёл девушку в свой кабинет. И здесь был творческий беспорядок: книги, записи, ноты, ноты и ещё раз ноты. На столе чернел матовым экраном ноутбук. Подвигав привычным движением мышку, он вывел ноутбук из спящего режима, набрал пароль. Компьютер приветственно пикнул.

– Что ты хотела посмотреть?

– А выход во Всегалак... во всеземную сеть здесь есть? – спросила девушка.

– В интернет? Конечно же, есть, – он щёлкнул на иконку Mozilla Firefox.

– Это поисковая система? С ней можно говорить? – расспрашивала Мирослава.

– Можно, но слова она распознает плохо, лучше написать.

Мирослава с надеждой смотрела на него.

– Можно, я сама напишу запрос?

– Набирай, – он уступил девушке место. Но никуда не ушёл, остался рядом.

– Мирослава просияла, уселась в кресло и набрала: «Искусственный интеллект».

Google мгновенно нашёл множество страниц. Мирослава быстро пролистала их, огорчённо покачала головой: «Всего лишь начало, baby step».

Даниель погладил девушку по тёплой русой голове.

– Мири, поброди по интернету, а я пока посижу здесь, поработаю.

Ему хотелось разобрать ноты, некоторые переписать, над другими подумать, просмотреть записи.

– Спасибо, Даниель, – радостно блеснула глазами Мирослава.

Он работал, иногда поглядывая на девушку. Та стучала по клавишам с неуловимой быстротой, страницы мелькали ярким калейдоскопом.

«Я потом просмотрю историю, – решил он, – интересно же, что вертится в этой хорошенькой многоканальной головке. Девушка такая чудная, что я дальше с ней буду делать? Все эмоции у неё наружу, никогда не притворяется, никогда не капризничает. Но умеет точно считывать моё настроение».

Он думал о том, что скоро отпуск заканчивается, впереди работа: гастролы, записи, репетиции, концерты, всё то, чем он жил уже двадцать лет. Как быть с Мири? Он не хотел с ней расставаться ни на один день. Мирослава должна быть рядом, сиять ему глазами, обнимать и целовать его.

«Я возьму её с собой, – решил он. – Надо восстановить её документы».

Он не сомневался, что, оставшись с ним, скучать Мирослава не будет. Купит ей ноутбук, пусть занимается своей физикой. Но, девушка такая странная, как она будет во всей этой суете? Она так необычно говорит и рассуждает, что даже он не всегда понимает её. Но он вспомнил городских лавочников, очарованных Мирославой и решил, что всё будет хорошо.

«Надо поговорить с Мири, что она думает об этом. А если она не захочет поехать со мной? Нет, этого не может быть. Спрошу сейчас».

Но не спросил. Вытащил Мирославу из-за стола, а она упиралась, досматривала последнюю страницу.

– Всё, Мири, всё. Уже поздно, пошли спать. Иди, умывайся.

Она ушла, а он просмотрел историю страниц: статьи по теоретической физике, научные диспуты, форумы, исследования космоса. Неплохие интересы у молодой девчонки.

Скрипнула дверь ванной комнаты, он быстро выключил ноутбук, но Мирослава не вернулась в кабинет, а прошлёпала босыми ногами в спальню. Даниель, быстро умывшись, заторопился к ней.

– Зачем я так спешу, как будто девушка куда-то исчезнет?

Иногда ему казалось, что ветер унесёт Мирославу, эту странную девочку, унесёт на воздушном змее туда, откуда принёс, в страну вечного лета.

– Не отдам, ни ветру, никому. Или пойду искать её, как Орфей Эвридику.

День пятый. Утро

Даниель проснулся немного раньше обычного. Он перекатился на половину кровати, которую занимала Мирослава, обнял её подушку, вдохнул ромашковый запах. Потом решил, что живая девушка лучше, зевая, прошёл на кухню и застал процесс приготовления завтрака.

Мири стояла у стола и сосредоточенно выкладывала слои из творога и жёлтых фруктов в прозрачный стакан. Она опять надела его футболку – он дал ей целую стопку футболок, пусть носит, раз ей так нравится. А то, что они не купили девушке никакой домашней одежды, он понял только сейчас. У него не было такого опыта – одевать девушек, у которых имеются только тапочки и белое платье. Может быть, ей надо какие-то предметы гигиены? Она же ничего не просит, кроме мороженого. Надо будет узнать у неё.

Внезапно его посетила мысль о том, что всё это время он и не думал предохраняться. А Мири? У нее в рюкзаке не было никаких таблеток, ничего, в общем-то, и не было, он сам смотрел. Он ужасно рассердился на себя, и заодно на Мири. Ну ладно Мири, она совсем неопытная и сирота, а он-то взрослый мужчина. Они занимались любовью несколько раз за ночь и днём тоже, а он об этом вспомнил только сейчас. Что на него нашло?

Настроение у него испортилось, и Мирослава сразу же почувствовала это.

– Что-то случилось? – она подошла к нему.

– Мы с тобой не предохранялись, ты знаешь что-нибудь об этом?

– Конечно, знаю. Я изучала физиологию гуманоидных рас и теорию знаю хорошо. Даниель, всё нормально. Ничего не случится. У меня такое строение организма, что мне не грозит забеременеть. Ты ведь об этом думал?

– Откуда ты знаешь, что не грозит?

– Я знаю точно, это ведь мой организм.

Он молчал, думая о «гуманоидных расах», Мирослава тоже молчала. Глаза её потемнели, сияние погасло в них, и Даниель испугался, что это навсегда. Ему так нравился свет в её глазах, и он не знал, что делать. Ему надо было прояснить этот вопрос, вот он и прояснил, но почему-то было не по себе.

«Что с девушкой, она не болеет?» – встревожился он.

– Мири, ты здорова, с тобой всё хорошо?

– Я здорова, я никогда и ничем не болею. Мою проблему можно легко исправить, но не сейчас ведь?

Он успокоился.

– Мы будем завтракать?

– Конечно, будем. На завтрак сегодня творог с манго и апельсином. Это десерт. А главная еда – это омлет, запеченный в духовке.

И она достала из недр духовки высокий пышный омлет.

– Это для тебя. А я возьму мороженое. Подожди три минуты, я накрою стол.

И она положила перед ним клетчатую салфетку, поставила вазочку с творогом, а омлет так и остался в форме. Он, как всегда, любовался быстротой и точностью её движений. Ни одного промаха, ничего не проливается, не падает и не крошится.

– Ты невероятная девушка, ты знаешь об этом?

– Можно невероятной девушке положить себе мороженое? – она улыбалась, и на душе у него стало лучше.

Так они и завтракали. Даниель ел омлет, вылезавший из керамической формы толстыми поджаристыми боками, и очень вкусный десерт. Он смаковал нежный творог со сладким манго и кисловатым апельсином. Мирослава наслаждалась мороженым.

– Ты сладкожка, Мири?

– Совсем немножко, мне не часто удавалось есть такое вкусное мороженое.

Он вспомнил, что ещё не обнимал девушку, и поспешил восполнить упущенное. Поцеловал её сладкие от мороженого губы, переплел её тонкие пальцы и прижал к своей груди.

– Если тебе что-то надо, ты скажи мне, хорошо?

– Мне ничего не надо, но спасибо, Даниель.

Он верил, что ей ничего не надо. Несмотря на отсутствие денег, девушка очень самодостаточная. Если он её обидит, она, не задумываясь, уйдёт. Уйдёт так же легко, как и пришла. Даниель поспешил прогнать эту мысль.

– Сейчас я занимаюсь, а ты отдыхаешь. Готовить не надо, вечером мы поедем на ужин в ресторан, а днём чем-нибудь перекусим. Хорошо?

– Хорошо. Но мне, всё-таки, хочется попробовать один очень интересный рецепт.

– Завтра. Сегодня не надо, я не могу столько есть.

Она неохотно согласилась. Даниель видел, что настроения у девушки нет. Тонкие пальцы её слегка подрагивали, нежное лицо побледнело, глаза так и не начали сиять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.